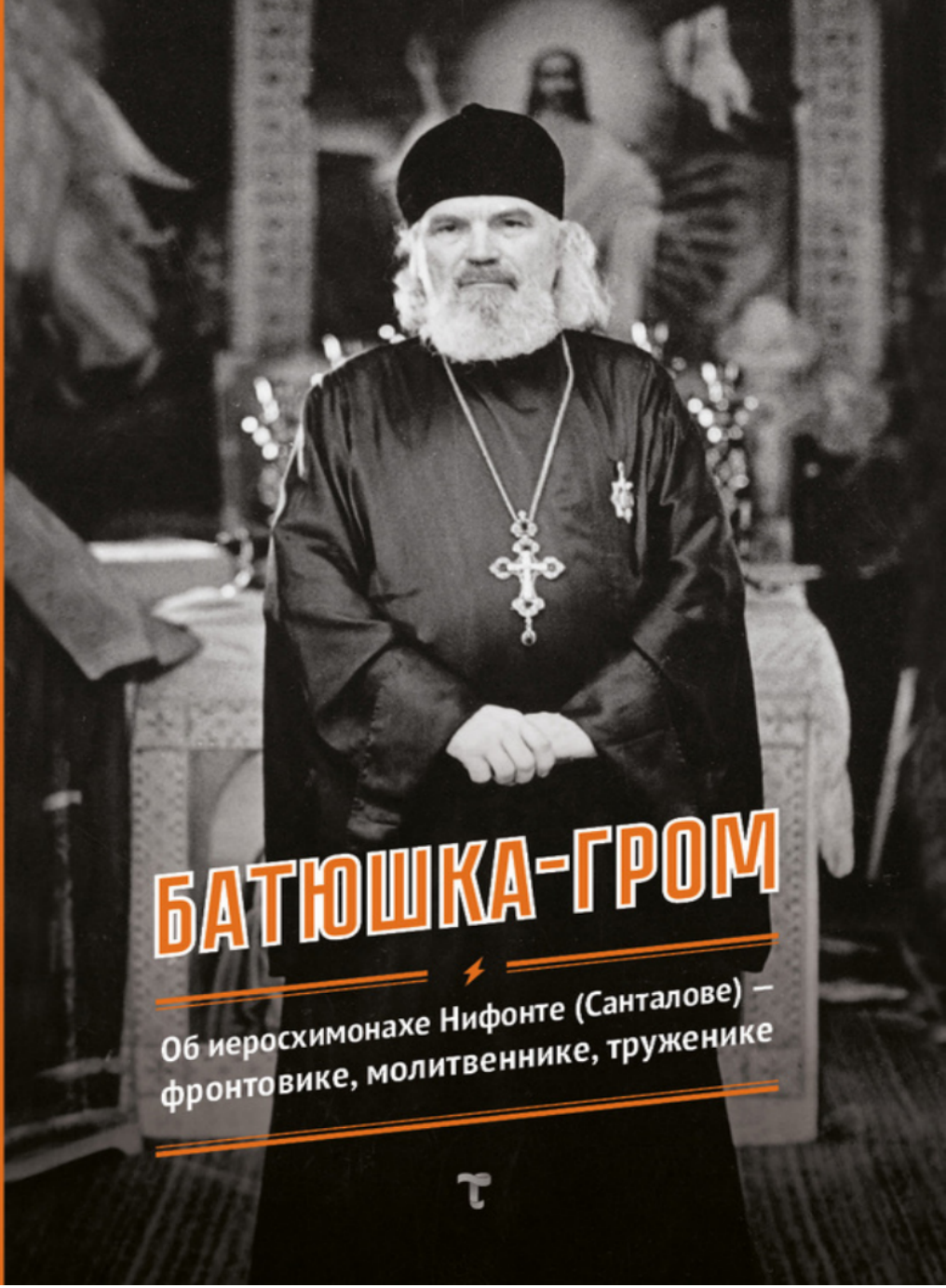


БАТЮШКА-ГРОМ

Об иеросхимонахе Нифонте (Санталове) – фронтовике, молитвеннике, труженике

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…Дорогой читатель, книга, которую ты держишь в руках, об одном из таких подвижников – священнике Павле Санталове, в монашестве Нифонте, удостоившемся перед кончиной принять схиму. Батюшка Павел родился в 1925 году в крестьянской семье. В шестилетнем возрасте он вынужден был последовать за своими раскулаченными родителями в ссылку на Соловки. Дальше исповеднический подвиг юного Павла продолжился в годы Великой Отечественной Войны. Затем его ждали годы учёбы в Московской Духовной Семинарии и Ленинградской Духовной Академии. В 1962 году после их окончания он принял священнический сан и служил на приходах. Это было время Хрущёвских гонений на Церковь и всевозможных притеснений верующих, но отец Павел продолжал строить и благоукрашать храмы, помогал своим прихожанам, в последствии окормлял большое количество людей…»

- Батюшка-гром
  -
  -
  - Предисловие
  - Глава 1. Детство. Раскулачивание. Санталовы на Соловках. Исповеднический подвиг родителей, живших по заповедям Христа
  - Глава 2. Юность. Война. Утверждение в подвиге исповедничества Христа
  - Глава 3. Послевоенные годы. Поиск жизненого пути
  - Глава 4. Учеба в московской духовной семинарии
  - Глава 5. Общение со старцами
  - Глава 6. Годы учебы в ленинградской духовной академии
  - Глава 7. Рукоположение
  - Глава 8. Служение в Казанском храме. Знакомство с духовными чадами святого праведного Иоанна Кронштадского. Перевод в Пятницкий храм села Боево
  - Глава 9. Возрождение храма святого великомученика Димитрия солунского в селе Хорошилово
  - Глава 10. Болезнь. На покое. Старческое служение людям
  - Глава 11. Кончина. Похороны
  - Заключение
  - Библиографический список

Батюшка-гром

© Фонд поддержания духовно-нравственных ценностей «Тренды и традиции» – 2017

* * *

Я послан в мир для правды вечной,
Для обличенья зол земных,
Неверья, праздности беспечной,
Вражды и похотей людских.
Я в мир иду, чтоб славить Бога,
Чтоб звать из мрака вновь и вновь
Того, кто в славу чернобога
Распял надежду и любовь.
Мне робость сердца не знакома,
Я не склоняюсь пред судьбой,
В моих устах раскаты грома
И моря гневного прибой.

Из стихотворения С. С. Бехтеева «Сын грома»

Сербия, 1924 г.

Предисловие

Смысл земной жизни христианина заключается в приготовлении себя к Жизни Вечной. Для этого необходимо принять умом и сердцем Евангельские истины, участвовать в святых Таинствах Православной Церкви, приобщаться к святыням Православия и благодатной жизни святых. Также важное значение приобретает литература, повествующая о жизни и трудах подвижников веры и благочестия уже ушедшей эпохи.

Дорогой читатель, книга, которую ты держишь в руках, об одном из таких подвижников – священнике Павле Санталове, в монашестве Нифонте, удостоившемся перед кончиной принять схиму. Батюшка Павел родился в 1925 году в крестьянской семье. В шестилетнем возрасте он вынужден был последовать за своими раскулаченными родителями в ссылку на Соловки. Дальше исповеднический подвиг юного Павла продолжился в годы Великой Отечественной Войны. Затем его ждали годы учёбы в Московской Духовной Семинарии и Ленинградской Духовной Академии. В 1962 году после их окончания он принял священнический сан и служил на приходах. Это было время Хрущёвских гонений на Церковь и всевозможных притеснений верующих, но отец Павел продолжал строить и благоукрашать храмы, помогал своим прихожанам, в последствии окормлял большое количество людей.

Отличительными его чертами были искренность, строгость и милосердие. С виду суровый, он имел доброе

и милующее сердце, редкостный по силе и красоте голос. На приходе в с. Хорошилово его, подобно апостолам Иакову и Иоанну, называли «батюшка-гром»{Господь Иисус Христос называл Иакова и Иоанна, сынов Зеведеевых «Воанергесс», т. е. «сынами грома» (Мар.3:17).} за то, что он не стеснялся говорить правду и за «пламенеющую» любовь к Богу. Рядом с ним забывались обиды, скорби и неприятности. И как легко было идти за Христом, имея такого духовного наставника!

Нуждающимся батюшка помогал не только советом, но и материально, стараясь, чтобы это оставалось в тайне. Приходивших к нему он обычно кормил и одаривал гостинцами: книгами, сладостями и фруктами. В любое время дня и ночи его дом в Воронеже, где жили его сестры, был открыт для всех, кто нуждался в ночлеге.

Ещё одна важная черта характера батюшки – это его трудолюбие. С кем он строил и восстанавливал храм и подсобные постройки? В первую очередь сам с двумя-тремя рабочими. С

лопатой, с молотком, с рубанком и кувалдой – везде старался быть первым. В одном из писем он пишет: «Кирпич лежит под открытым небом и если сложить стены, то где подсобные рабочие? Их нет. Придётся мне это самому всё подносить. Я уже и не говорю, чтобы построить в этом году, я рассчитываю эту строку на три года. Я очень-очень устаю от работы, хожу весь грязный, замаранный и так каждый день».

Нельзя не упомянуть о нестяжательности батюшки: он всегда носил простую одежду, никогда не имел личного автомобиля. Если «собиралась какая-то копеечка» (как говорил батюшка), он определял её на храм или раздавал нуждающимся. Своим духовным чадам старец говорил:

«Идите за Христом, храните веру!» Сам он неуклонно шёл по этому нелёгкому пути. Это был адамант веры.

Скромный до болезненности батюшка не любил здравиц и славословий в свой адрес. Иногда он мог очень строго отчитать человека или дать кому-то жёсткую нелицеприятную характеристику.

Преставился батюшка в мае 2005 года и был похоронен на территории Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря. Источником жизнеописания отца Нифонта явились его воспоминания, поведанные в беседах с духовными чадами. Сохранились также свидетельства участников некоторых событий в жизни старца – людей, духовно с ним связанных, разделявших его труды и скорби. Наконец, в данной книге использованы сведения, почерпнутые автором-составителем из опубликованных ранее статей, очерков и книги о батюшке.

Глава 1. Детство. Раскулачивание. Санталовы на Соловках. Исповеднический подвиг родителей, живших по заповедям Христа

«По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые…»

Мф. 7:16–17

«Все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы»

2 Тим. 3:12

Павел Михайлович Санталов (иеросхимонах Нифонт) родился 31 октября по новому стилю (18 октября по ст. ст.) 1925 года в селе Артёмовка Мордовского района Тамбовской области в верующей многодетной крестьянской семье. В день рождения батюшки, 31 октября, празднуется память святого апостола и евангелиста Луки, первого христианского иконописца, автора самых ранних икон Божией Матери. В этот же день совершается память преподобного Иосифа Волоцкого – ревностного поборника православия, хранителя веры на Святой Руси. Любовь к Богу, святоотеческой вере и православным традициям наполняла всю жизнь отца Павла. Он восстанавливал и благоукрашал храмы, как храмостроитель и ревностный священнослужитель Иосиф Волоцкий, и сам писал иконы, подобно апостолу Луке. По своей скромности батюшка скрывал многое из своих трудов, он не любил находиться в центре внимания.

По воспоминаниям родной сестры отца Нифонта, Анны, о дне своего рождения он просил забыть и никому о нём не говорить, объясняя это так: «К чему себя смущать и людей? Люди всегда испытывают затруднение – с чем идти к человеку на день рождения? Не всегда средства позволяют сделать тот подарок, которым бы тебе хотелось кого-то порадовать. Да и не всегда все люди искренни в своих поздравлениях. И именинник может о

себе возомнить не то. Каждый должен усвоить: все подарки нам уготованы Господом – их и стремись стяжать».

О семье отца Нифонта известно многое. Его отец, Михаил Макарович (1897 года рождения), занимался плотницким делом, а мама, Нина Фёдоровна (1900 года рождения), была домохозяйкой. Детей в семье было семеро: Серафим (01.08.1923), Павел (31.10.1925–26.05.2005), Раиса (18.01.1928–10.06.2007), Надежда (28.02.1930), Мария (30.10.1938–26.02.2014), Анна (09.09.1941), один ребенок умер в младенчестве. Родители воспитывали их в любви к Богу, Отечеству и людям, наставляя в послушании и уважении к старшим.

О своём детстве батюшка Нифонт вспоминал: «От дедушки мы все много получили. Мамин отец, дедушка Фёдор, был регентом в церкви святых Космы и Дамиана. Вся его семья состояла в певчих. Он рано умер. Шестерых детей воспитывала бабушка Прасковья. Очень верующей была отцова мама – Марфа Петровна. Я уже малым мальчишкой знал церковную службу. И как же было больно детскому сердцу: видел и ничего не мог делать от бессилья, когда рушили храмы, разгоняли монастыри».

Нина Федоровна и Михаил Макарович Санталовы, родители иеросхимонаха Нифонта. Фото 1920-х годов

Семья Санталовых была среднего достатка. До

раскулачивания Михаил Макарович по наследству владел половиной ветряной мельницы, землёй 7,47 га. У них был каменный дом, сарай, рига, лошадь, корова, жеребёнок, три овцы, половина косилки, половина веялки, плуг (данные соответствуют архивным документам с-761 от 23.02.95 г.).

Михаил Макарович категорически выступал против колхоза. Будучи записанным в колхоз без согласия, он добился своего исключения из списков колхозников, за что был лишен избирательских прав.

Бабушка Прасковья, старший брат батюшки Серафим, Павел (в будущем иеросхимонах Нифонт), на коленях у бабушки Марфы Петровны сестра батюшки Раиса (в будущем монахиня Римма), 1932 г.

В марте 1930 г. семья Санталовых подверглась раскулачиванию с конфискацией имущества. В административном порядке Михаил Макарович с женой Ниной Фёдоровной и четырьмя детьми были высланы в Архангельскую

область на Соловки. Старшему сыну, Серафиму, тогда было семь лет, Павлу – пять, Раисе – два года, а младшей сестрёнке Наде (ныне схимонахине Артемии, насельнице Алексеево-Акатова монастыря) было три недели от роду.

Исповеднический путь Павла начался с самого раннего детства, когда в 30-е годы благочестивых тамбовских крестьян Санталовых всей семьей сослали на Соловки за отказ вступить в колхоз.

Тёмной, холодной ночью в дом Санталовых пришли местные активисты, заставили всех быстро одеться, посадили на сани, отвезли в район, а оттуда под конвоем погрузили в товарные вагоны и отправили в ссылку. Длинный путь на Соловки проходил через старинные русские города с изумительными по красоте храмами: Владимир, Суздаль, Новгород. Так начался исповеднический путь будущего отца Нифонта.

Батюшка вспоминал: «Глядя из товарняка, я пытался сосчитать золочёные маковки. Потом всё помнится в чёрном цвете: бараки, крытые соломой, сплошные нары на земляном полу, нужда, голод, унижение. Нас спасала вера, она давала нам выдержку и терпение». Проведя на севере два неимоверно трудных года, юный Павел принял решение стать монахом.

Маленькую Надю забрали в детский барак, чтобы мать могла работать, а когда Нина Фёдоровна зашла проведать её – увидела, что с неё сняли крест. Спрятав Надю под кофту, мать вынесла дочь из барака. Но конвоир заметил и отобрал ребёнка. Девочку отправили в детский дом.

Через два года, когда на Соловках дети стали умирать, родственникам разрешили забрать детей. «За нами приехала тётя Дарья – мамина сестра. За доброту её души мы звали её тётя Душа», – вспоминал батюшка. Так дети оказались под бабушкиным крылом в Тамбовской области.

Михаилу Макаровичу с женой удалось бежать из лагеря, но по доносу их снова забрали и отправили в разные лагеря: его за Урал, а Нину Фёдоровну под Горький. Первой из ссылки вернулась мама, а через некоторое время отец.

9 сентября 1941 года родилась младшая сестра Анна. Глава семейства – Михаил Макарович в это время работал в Эртиле на зернотоке. Он пошел навестить жену и родившуюся дочь. На работе этот поступок посчитали саботажем, и без разбирательств его, как врага народа, отправили в ссылку в Нижний Тагил. Оставшись без отца, Павел почувствовал ответственность за осиротевшую семью.

Нина Федоровна с дочерью Надеждой

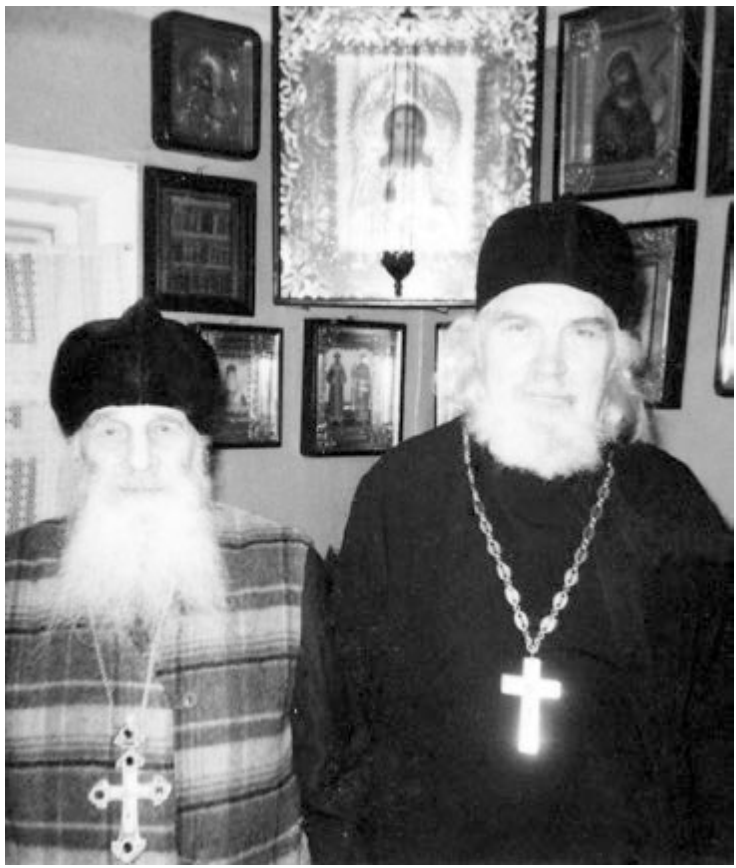
Священник Иоанн Скопинцев из Калиновки Липецкой области (накануне кончины в два часа ночи 4 марта 2007 года удостоившийся принять постриг в великую схиму с именем «Пантелеимон») в юности сидел в одном лагере с Михаилом Санталовым. Отец Иоанн рассказывал, что Михаил Макарович был для узников лагеря опорой, святым человеком. Его в тюрьме и заключенные, и начальники уважали. Он, даже находясь в заключении, учил людей жить по-православному.

Умер Михаил Макарович 20 мая 1943 года в лагере в Нижнем Тагиле Новосибирской области.

Нина Федоровна, вернувшись из ссылки, долго искала свою дочку Надю. Наконец, прозорливый старец Георгий сказал ей: «Поезжай в Горький – там найдёшь». И действительно, в Горьковском детском приюте она нашла дочь, которой тогда уже было семь лет. Вывели Нине Феодоровне троих детей и сказали: «Выбирай, угадаешь – отдадим. Какая твоя?» Нади среди них не было. Вывели следующую тройку, среди них Нина Федоровна

сразу узнала дочь.

После кончины Михаила Макаровича к Нине Фёдоровне сватались хорошие мужчины, из верующих, которые предлагали создать новую семью ради детей. Она же выходить замуж второй раз не хотела и приняла тайное монашество с именем «Корнилия» в день памяти святителя Митрофана. В монашество её постригали отец Валерий (схиархимандрит Серафим (Мирчук)) и отец Власий (схиархимандрит Макарий (Болотов)).



Священник Иоанн Скопинцев, впоследствии иеросхимонах Пантелеимон и протоиерей Павел Санталов, впоследствии иеросхимонах Нифонт, *25 ноября 1994 г., г. Липецк*

Нина Федоровна в колхоз так и не вступила, не участвовала ни в одних выборах, не получала паспорта, отказалась от пенсии, которую ей назначили в 1990-е годы после реабилитации, объясняя это тем, что не хочет лишиться награды на Небесах за то, что за Христа на Соловках, в ссылках пострадала. Она кормилась с детьми трудами своих рук – шила постельное белье,

погребальные наборы, пряла, вязала одежду. Скотины не держали, но был огород 15 соток. В нелёгких трудах ей помогали дети.

После ссылки Нина Фёдоровна в полной мере исполнила заповедь христианского гостеприимства. Принимала всех странников, кормила. Если появлялся в селе человек, нуждающийся в ночлеге, то односельчане посылали к Санталовым: «Нина всех принимает». Младшая сестра отца Нифонта, Анна, вспоминает: «Всегда в нашем доме были постояльцы. В моем детском представлении было такое – в ся Россия в пути, ходит в поисках Бога. Останавливались на ночлег странники, ходившие по святым местам, от старца к старцу, от одного действующего храма к другому. Редкое дело было, чтобы мы, дети, спали на печи или на кровати, лучшие места отдавались гостям, а мы спали на полу. В мои обязанности входило всегда на ночь мыть пол и застилать его свежей соломой, или свежим сеном. Дух был в хате не передаваемый! Как чудесно пахнут и сено, и солома, и свежевыскобленный деревянный пол, и только что испечённый хлеб, и сваренная в печи картошка. Под какие молитвы и дивные рассказы об увиденном странствующими богомольцами мы засыпали! Мама была всегда со всеми доброй, открытой, но бывали случаи, когда я её не узнавала – вела себя сдержано и пыталась побыстрее выпроводить того или иного гостя. Слышала после разговоры взрослых, что «странник» был от лукавого, «шпион». К нам подсылали таких людей, задача которых была одна – найти на нас компромат. Не собираются ли у нас «антисоветчики»? Был непреложный закон – никаких бесед о власти и руководителях не вести. Только о Боге, святых угодниках и сельскохозяйственных делах. Часто останавливался у нас странник Стефан, который был в духовной дружбе с отцом Митрофаном (Мякининым). Стефан был красивый, добрый, всех хлебом угощал. Хотя сам был нищий. Надолго он не оставался. И даже если непогода или пурга, он уходил, мы ему говорили: «Куда ж ты идёшь?» А Стефан отвечал: «Странник не должен жить в одном доме больше трёх дней».

Странник Стефан

Земляк батюшки, протоиерей Николай Хренов, вспоминает: «Я с детства запомнил, как пели у Санталовых: Небеса на земле – да и только! Частой поговоркой в этом доме была: „Суди меня Бог и добрые люди“. Через служение Господу все они служили людям».

«Санталовы – святое семейство. Баба Нина, как у нас в селе звали маму отца Павла, – вспоминает родной брат отца Николая, священник Евгений Хренов, – была непререкаемым авторитетом на всю округу. Великая молитвенница. Душа ко всем скорбящим. Она обо всех плакала, о каждом переживала. По её молитвам и люди мирились, и болезни излечивались, и скот угнанный находился. Нину Фёдоровну в селе почитали, как священника. Однажды приходят к ней и говорят: «Соседка умирает». Нина Фёдоровна пошла, ночь у неё просидела, молилась. Уходит, а та ей говорит: «Спасибо. Мне полегчало – спокойно теперь умру. Без страха». Нина Фёдоровна вспоминала со слезами, как их в ссылку угоняли: «Прижала к груди самое дорогое, что у меня осталось – Пашутку. Так всю дорогу и старалась его с рук не спускать. Он

сидел у меня такой запуганный, затравленный, болезненный. Думаете, легко было пятилетнему ребёнку пережить, как на его глазах отца с матерью прикладами со двора гонят, как скотину в вагоны «телячьи» грузят. Как сутками не выпускают из вагонов – ни в туалет сходить, ни свежего воздуха вдохнуть. Мне тогда про него сон приснился – хорошее у него будет будущее, если себя Богу посвятит». Если бы не баба Нина, то я не знаю, стали бы её дети людьми? Их же травили, преследовали, дразнили, над ними смеялись, веру в человеческое достоинство они все сохранили только благодаря православной школе воспитания, которую собой являла их мать, неграмотная верующая женщина. Ни баба Нина, ни её мама пенсии не получали, от колхоза – никакой помощи, но для всех приходящих у них всегда были гостинчики. Они покупали конфеты – горошек, сто грамм – одиннадцать копеек, и я, к примеру, всегда от них по две-три горошины получал, даже сомневаюсь, угощали ли они этими конфетами своих родных детей. Для них высшая угода Богу – угостить другого, покормить, чем-то одарить. Мы, ребятишки, наиграемся на улице, и не домой к себе бежим, а в первую очередь к бабе Нине, так как знали – она нас всегда накормит. Картошка всегда варёная найдётся. Даст обсушиться. Всё больше надежды на то, что дома меньше будут ругать. Лучше того кваса, какой мы пили у бабы Нины, я больше никогда в жизни ни у кого не пил. Баба Нина была сама правота. К ней приходили за разрешением всяких споров».

Нина Фёдоровна Санталова (в центре) с сестрами, *1970-е годы*

Сельский учитель ходил по деревне и агитировал, чтобы верующие дали согласие на уничтожение церкви – из неё надо было построить новую школу, но никто не давал согласия. Тогда он подделал подписи односельчан, сам за всех расписался. Нина Фёдоровна сказала ему тогда: «Накажет тебя Бог», и он тяжело заболел, в тяжких муках умирал. Говорил, что это его Нина Фёдоровна прокляла. Жаль, что грамотный человек так ничего и не понял. Господь поругаем не бывает.

Павел Санталов с сестрой Надеждой

Нина Фёдоровна владела непрестанной молитвой. По воспоминаниям её дочери, схимонахини Артемии, мама старалась молиться так, чтобы никто её не видел: в отдельной комнате, со слезами. Говорила, что нужно, чтобы каждое молитвенное слово проходило через сердце. О ближних она молилась по чёткам, откладывая за каждого орешки. Вечером она

читала наизусть тропари святым.

Последние годы Нина Федоровна тяжело болела, но к врачам не обращалась. Знакомые верующие доктора облегчали её участь. Ослепнув, она читала по памяти полное молитвенное правило и акафисты без единой ошибки, поминала до тысячи имён о здравии и о упокоении. Ее кончина была благочестивой, она сподобилась уйти в вечность схимонахиней Мариной в возрасте 90 лет 1 ноября 1990 года.

В великую схиму Нину Фёдоровну, за сутки до её кончины, одевал архимандрит Никон (Васин), ныне митрополит Липецкий и Задонский. На следующий день в 5 часов утра родной сын, протоиерей Павел, причастил ее и соборовал. Мама попросила сына – священника почитать о ней отходную молитву, потом благословила всех детей. Батюшка ушёл. Далее вспоминает схимонахиня Артемия: «Я маме сложила руки крестом и дала свечку. Вдруг она раскинула руки и выдохнула: «В руцы твои, Господи, Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой». Архимандрит Никон с первыми пятнадцатью сестрами открывшегося после долгих лет разрушения Алексеево-Акатова монастыря, которые жили рядом с домом батюшки Нифонта, обрядили почившую схимонахиню Марину и отслужили панихиду. Хоронили маму в день Казанской иконы Божией Матери под колокольный звон, благовествующий первое всенощное бдение в возрождающемся монастыре. Такая торжественность была – никакой скорби. Был солнечный и теплый ноябрьский день. Радостно, празднично маму провожали». Так умирают праведники.

Глава 2. Юность. Война. Утверждение в подвиге исповедничества Христа

«Кто хочет идти за Мною; отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною».

Мк. 8:34

«Блажен муж, ему же есть имя Господне упование его, и не призри в суеты и неистовления ложные».

Пс. 39:5

В годы Великой Отечественной войны Павла Санталова ждало новое испытание. Ему шёл шестнадцатый год, когда началась война. Как и все мальчишки того времени, Павел рвался на фронт сразиться с врагом, защитить родную землю.

В 1941 году был очень хороший урожай зерновых, с уборкой которого колхозы не справлялись. Как-то вечером Павел пришел домой и сказал сестре Надежде: «Пойди в поле, кажется, там зерно брошено, а находит дождь». Надежда взяла мешок и пошла. Набила она этой брошенной рожью мешок, а поднять не может, и отсыпать жалко, так и дотащила его волоком. Павел с сёстрами Раисой и Надеждой до утра натаскали несколько мешков ржи и ячменя. Под полом в кухне он вырыл яму, туда и засыпали зерно, которого хватило на три года. Когда Павел ушел на фронт, его родные продолжали питаться этими запасами и делились ими с другими.

О военных годах отец Нифонт рассказывал своим духовным чадам: «На фронт ушёл в 1943 году. В полку был со своими семью классами самым грамотным. Я один год приписал, чтобы уйти на войну. В действующей армии находился на Западном Фронте в 16-м отделении тяжелой минометной бригады. Был смирным, исполнительным – это меня и подвело. Там было очень и очень строгое отношение к верующим. Никаких нательных крестиков, никаких молитв! При первом построении ротный потребовал: «Бывшие на оккупированной территории, дети «врагов народа» – шаг вперёд». Я шагнул. Один. Ко мне подошёл командир и спросил: «В чём дело»? Наверное, он испугался. Ведь всех нас

проверяли до него. Я признался, что может, завтра в бою убьют, а я обманывал людей – родители мои раскулаченные, и я с ними сидел на Соловках. Он мне так тихо и строго сказал: «Запомни: какой ты кулак? Ты – мальчишка! И нигде ты не был, нигде не сидел, а родителей своих не помнишь». [20, 53]

Рядовой Павел Санталов, 1945 г.

Там же у меня произошла встреча с одним солдатом, который, когда услышал мою фамилию, подошёл и спросил, не Михаилом ли зовут моего отца? Оказалось, он был охранником в том лагере, где сидел отец. Он рассказал мне о последних днях папы следующее: «Наверное, отец твой был бы священником. Хотя мы все знали, что он из простых мужиков. Даже в условиях лагеря он молился и постился. При его высоком росте он весил всего… 48 кг. И ты знаешь, как он тебя, Павел, любил. Я завидовал, что у какого-то Пашки есть такой отец, который постоянно вспоминает о своём сыне и молится о нём». Когда посадили его в последний раз, то через какое-то время к нам пришёл сосед и признался, что это он Мишку предал. А пришёл к нам с покаянием, потому что

сон увидел: мой отец Царствие Небесное получил. Видел его в золоченом одеянии в окружении ангелов, примерно такой же сон про отца и сестра Раиса видела. Среди ужасов войны душа моя особенно жаждала уединенной молитвы, я знал наизусть многие молитвы, несколько акафистов. Что делал? Залезал в свободное время под нары и там молился. Потом ко мне примкнуло ещё несколько солдат. Нас обвинили в заговоре. Потребовали снять крестики. Я отказался, потому что без Креста мы не христиане, мы не члены Божии. Ведь на Кресте совершилась победа над дьяволом, разрушены его козни и сокрушены врата ада. С первых времен христианства ношение креста Христова на шее является видимым знаком принадлежности ко Христу и Его Церкви. В молитве на освящение нательного креста утверждается: «Да будет оно всякому, на себе носящему, защищение и соблюдение от всякого зла, души и телу спасительное, и в умножение в нем духовных даров и христианских добродетелей, да будет исполнено оно силы и крепости к прогнанию и разорению всяких дьявольских козней, в защищение души и тела от лица врагов видимых и невидимых, и от всякого зла». «Пригвоздивший ко кресту дерзновенный адамов грех, Он разодрал и согрешений наше рукописание» (Кол. 2:14).

Я им заявил, что я верую не только в Иисуса Христа, но верю царям нашим православным: Николаю I, Николаю II. А вам, коммунистам, не верю. Приговорили меня к расстрелу. Я радовался: «Мама узнает, что за Христа пострадал». Не знаю почему, но в последний момент расстрел отменили. Скорее всего, меня просто пугали. Командир сказал: «Пусть остается. Будет за меня молиться». В части меня «попом» называли. Уважали очень, завидовали: не побоялся даже смерти – остался с крестом. Мне многое доверяли. Часто в разведку ходил. Часто выдвигали на передний план, где я в окопе сидел со стереотрубой и вёл корректировку огня. Один раз меня немецкий снайпер выследил… Господь спас. В момент его выстрела я присел, и пуля попала в стереотрубу, прямо возлеокуляра, в который я только что смотрел.

Солдат Павел Санталов с мамой, 1945 г.

Второй раз меня приговорили к расстрелу, когда отказался стрелять в Варшаве из пушки по костёлу. Я пытался объяснить никчемность этой затеи – там же такие ценности! Миллионы вложены, труд какой! Искусство во славу Божию! При нашей части прислуживал немец, перебежавший к нам через линию фронта. Мы к нему так привыкли – исполнительный, надежный. Я взял и отпустил этого немца с тем, чтобы он предупредил своих солдат и мирных жителей, что мы будем вести обстрел по этому квадрату. Никакого злого умысла у меня не было. Уже любые жертвы были никчемные – война заканчивалась. Мы – победители. Меня за совокупность преступлений приговорили к расстрелу, за то, что приказ не выполнил и за то, что немца отпустил. Он же своим все наши тайны расскажет. За полчаса до приведения приговора в исполнение расстрел отменил лично маршал Рокоссовский! Он случайно оказался в нашей части. Начал расспрашивать об обстановке, а ему и доложили: вовремя бдительность проявили – пособника немцев разоблачили, сейчас расстреляем. Маршал распорядился показать ему этого «предателя». Стал меня расспрашивать, и я ему всё как на исповеди рассказал: жалко и людей губить, и церковь иностранная – больно уж красивая. К этому моменту вернулся мой немец, которого посылал с предупреждением. Рокоссовский выслушал всё внимательно, вдруг при всех обнял меня и сказал: «Спасибо, тебе, солдат, за настоящую веру!» Он ушёл и тут, конечно, сразу же мою смертную казнь отменили».

Батюшка со слезами рассказывал о военных годах, о том, как освобождали польских детей из плена. Выяснилось, что все они из одной местности, которая была неподалёку. Павел Санталов ночью, безо всякого сопровождения, пошёл туда, чтобы сообщить родственникам, где находятся их дети. Всех забрали домой. Осталась только Ганночка, её никто не взял. Родители и все родственники этой девочки были расстреляны фашистами. На

вид ей лет шесть – семь было, а на самом деле десятилетняя была, болезненная, измождённая. Солдаты о ней сразу проявили заботу. Батюшка вспоминал: «Она почему-то больше ко мне льнула. Папой называла. Как я её хотел удочерить! Отправил бы её в свою Артёмовку. Война-то уже заканчивалась, и я замышлял, что у меня будет своя семья, будет много своих «медвежат» и сирот, обездоленных войной в беде оставлять не буду. Хоть ещё на Соловках решил, что буду монахом, но признаюсь, колебания в жизни были большие». (После войны Павел с ней даже в Москву приехал в надежде на то, что разрешат удочерение. Разрешение не было получено – девочку определили в детдом, а затем отправили в Польшу).

«Мне в армии никаких наград, никаких поощрений не давали. Всякий раз насмехались – пусть меня сам Бог награждает. И не понимали, как они этим поднимали и укрепляли мой дух». На войне у батюшки созрело решение всю жизнь служить Богу.

Сестры Раиса и Мария вспоминают, что письма брата, которые он присылал с фронта, читали всем колхозом. Их переписывали и передавали друг другу. Эти письма были в стихах, с молитвами. Мария все их переписывала в одну тетрадь, но, к сожалению, сохранить их так и не удалось.

В одном из боёв Павел был ранен и контужен. В связи с заболеванием его перевели в 343 полк КВ НКВД, обязанностью которого была перевозка и охрана военнопленных. Окончание войны Павел встретил в городе Воронеже, где находился штаб его полка, а в конце 1945 года по заключению военной гарнизонной комиссии (?) был признан негодным к несению службы и, как инвалид III группы, был освобожден от военной обязанности.

После демобилизации Павел некоторое время трудился на стройках по восстановлению народного хозяйства, разрушенного войной.

Глава 3. Послевоенные годы. Поиск жизненого пути

«Законоположи мне, Господи, путь оправданий Твоих, и взыщу и выну. Вразуми мя, и испытаю закон Твой, и сохраню и всем сердцем моим.

Настави мя на стезю заповедей Твоих, яко тую восхоте».

Пс. 118:33–35

Павлу удалось скрыть, что он сын «врагов народа». «Тяжело было душе – солгал, – вспоминал впоследствии батюшка, – но утешался тем, что так вести себя мне посоветовали мудрые старые священники. Ещё будучи молодым, я сказал себе, что такой грех надо искупать монашеством. Сказал, да и забыл – какое монашество, когда в стране такое безбожие?»

Вернувшись в родное село, Павел стал искать у духовно опытных людей совета, как ему устроить свою дальнейшую жизнь. Так он поехал в Караганду к одному из последних оптинских старцев отцу Севастиану, ныне причисленному к лику святых. Павел прожил у него полтора месяца: помогал старцу, работал, хорошо зная плотницкое и столярное ремесло, очень красиво украшал иконы. Отец Севастиан называл его ласково «Павлушей». По воспоминаниям батюшки, от одного голоса старца Севастиана ощущалась благодать, исходили тепло и доброта. Возможно, именно отец Севастиан дал его душе монашеское направление.

Батюшка вспоминал: «Меня и после войны привлекали. Однажды такой допрос учинили, что я и не знал, как реагировать. Следователь мне объяснил, что ему доподлинно известно, что я… царский сын. Признавайся! Я ему объяснял, мол, посуди, когда батюшку – царя расстреляли, и когда я родился – не помогало. У него была своя логика. Поиздевались надо мной крепко. Я соглашался, что моя вина в том, что я рад страдать за царя, всегда был и буду верен тому царскому духу, который поддерживали в православной России наши венчанные Богом на царство государи. Два следователя допрос вели. Тяжело ли было? Нет. Радостно. Я же не один – Господь со мной. И укрепляли меня такие молитвенники! Знал старца Серафима (схиигумена Митрофана (Мякинина), † 25 декабря 1964 года). К нему за мудрым советом собирались из разных краёв. Сколько любви у

него было ко всем! Он служил в селе Ячейка, в шестидесяти километрах от нашего села. Я к нему с мамой ходил на тайную службу. Из дальних сёл летом люди выходили к нему на службу рано утром и приходили поздней ночью. А осенью, зимой и весной шли с ночёвкой – останавливаясь в каком-нибудь селении. Он мне писал замечательные духовные письма, но ни одного не сохранилось, опасно было хранить такие письма».

Мария (схимонахиня Евстратия (Фурцева), † 11.02.2008) долгое время была на послушании у отца Митрофана, она так вспоминала о Павле Санталове: «Мы Павла помним таким, каким он с фронта пришёл – будто и не солдат: добрый, услужливый, стеснительный. Не было случая, чтобы приехал, да что-нибудь для батюшки Митрофана не сделал – забор поправит, крышу починит. Также он и к другим «в гости» ходил. Придёт и сразу в какую-нибудь работу. Начнёшь отговаривать, а он: «Сёстры, да мне это в радость и удовольствие».

Дружил Павел и с благодатнейшим старцем отцом Иоасафом (Моисеевым), († 7 апреля 1976 года), который был конанархом в Оптиной пустыни. Он провел двадцать лет в тюрьмах за веру, а вернувшись из заточения, жил в городе Грязи Липецкой области у Марии Яковлевны Лякиной (схимонахини Николаи, насельница Снетогорского монастыря города Пскова). Скончался старец 30 декабря 2015 года в 20 часов на 92 году жизни, отпевал его Вдадыка Псковский и Порховский Евсевий 1 января 2016 года).

О том, что он оптинский старец, даже близкие люди не знали. Соседи тоже не догадывались, что он монах. Родная сестра отца Павла, Надежда (ныне схимонахиня Артемия), рассказывала: «Отец Иоасаф по своему умению работать здорово мне напоминал моего брата – ведь келью он сделал из бросового материала, собирал консервные банки, выпрямлял их и обил этим железом завалинку построенного домика – красиво получилось и защита от дождя и сырости.

Схиигумен Митрофан с матушками схимонахиней

Мария Аковлевна Лякина (схимонахиня Николая), схимонах Иоасаф (Моисеев), отец Павел Санталов, конец 1960-х – начало 1970-х гг.

Говорил, что человека всегда спасает труд. Сколько он отсидел? Страшно представить. Но он никогда не роптал на своих гонителей. Мало того, он их благодарил за то, что даже в условиях тюрьмы они позволяли ему совершать службы. Такое послабление было допущено по той причине, что отец Иоасаф руководству не только часы чинил и всякую тонкую столярную работу делал, но даже… зубы вставлял. Он очень почитал Иоанна Кронштадтского, которому в юности прислуживал – книгу во время службы держал. Ещё отец Иоанн не был прославлен в лике святых, а у отца Иоасафа в келье его портрет висел, обрамлённый в оклад и нимб вокруг головы. Батюшка сам сделал из фольги и латуни такую икону из портрета, предвидя канонизацию Иоанна Кронштадтского. Отец Иоасаф хорошо отзывался о моём брате, отце Павле, который часто приезжал в город Грязи, исповедовал отца Иоасафа, причащал, соборовал, и еще они друг другу много писем писали. Я каждую субботу и воскресенье, все отпуска стремилась проводить у батюшки Иоасафа. Бывало, ночами, с Марией Яковлевной не наговоримся, за что получали от батюшки назидание: «После вечерней молитвы нельзя пустой болтовнёй заниматься». Отец Иоасаф говорил: «В Царствие Небесное добраться – всеми колючками ободраться». Я спрашивала: «Как это?» Батюшка отвечал: «Спаситель на Кресте в терновом венце искупил нас, и у каждого христианина есть свой крест – страдания, испытания, болезни. Это наши колючки».

Архимандрит Тихон (Агриков) и архимандрит Кирилл (Павлов)

После войны Павел Санталов подал прошение о поступлении в Саратовскую духовную семинарию, и его приняли. Пришёл вызов на учёбу, но первый духовный наставник батюшки – иеромонах Серафим (Мякинин) – не благословил его учиться в семинарии. Он почему-то называл семинарию «с винарией». Так рассказывал сам батюшка, со вздохом и некоторой долей укоризны. А годы то шли.

В 1947 году Павел познакомился в Москворечье с Елисаветой Пантелеимоновной Горкиной (схимонахиня Михаила, † 04.10.2007). Это знакомство произошло у Дмитрия Карпова, которого привезли с фронта инвалидом 1 группы. Он был контужен, парализован, прикован к постели.

За ним требовался постоянный уход. Мама его тоже была тяжело больна. Дмитрий был глубоко верующим человеком, его даже считали прозорливым. Видно, Господь через молитву и терпение многое ему открывал. К нему часто приезжали верующие люди из разных городов, обратили на него внимание и священнослужители. Архимандрит из Киева постриг его в монашество с именем «Досифей», а мама его стала инокиней. Народ, переживший войну, обращался к таким молитвенникам, получая утешение. Павел, однажды посетив этот дом, стал приходить туда часто. Между Елисаветой и Павлом завязалась духовная дружба, которая продолжалась до последних дней жизни. На протяжении всего земного пути они ежегодно встречались, переписывались друг с другом, просили друг у друга молитв, обращались друг к другу за советами.

Елисавета родилась в Ульяновске. Её отец, Пантелеимон, был инженером-строителем, создавал цементные заводы, и, как хорошего специалиста, его часто переводили со стройки на стройку. Перед войной семья оказалась в Ташкенте, откуда отец ушёл на фронт добровольцем. Прощаясь, он просил супругу Марию и семерых детей серьёзно относиться к вере, учёбе и очень хотел, чтобы все дети получили высшее образование.

Схим. Михаила (Горкина), Киев 1964

Матушка Михаила вспоминала: «Мы сделали ошибку – вслед за папой уехали из «хлебного города» в город на Неве и горя хлебнули сполна. После извещения о гибели папы тяжело заболела мама. Из семерых моих сестер в живых осталось только трое. Я была скелет скелетом. Но во мне проснулась какая-то невероятная сила: я должна исполнить завещанное отцом – стала в церковь ходить и приехала в Москву, чтобы получить специальность, как у отца. То есть решила заниматься проблемами совершенствования цементных растворов. Училась, ходила в храм, подрабатывала по три часа в сутки в лаборатории цементного завода и ухаживала за парализованным солдатом Дмитрием, израненным на войне. Закончив планово-экономический факультет института цементной промышленности, решила оставить земное и учиться небесному вхождению в вечную жизнь. Перед праздником Воздвижения Креста Господня поехала в Троице-Сергиеву Лавру. По поручению больного Димитрия, для него и его мамы купила два смертных

покрывала с отпечатком на них образа преподобного Сергия. До начала Всенощной пошла на дальний источник, чтобы искупаться и бросить там свои украшения – шпильки от больших волос на голове и медные серьги в ушах. Затем поднялась от родника вверх, там ещё зеленел кустарник. От усталости постелила на землю одно смертное покрывало, вторым укрылась с головой. Немного спустя, чувствую запах ладана, открываю лицо и ясно вижу преподобного Сергия с кадилом. Он кадит на меня. Объял страх, закрыла лицо… когда открыла, преподобного Сергия уже не было. Встала и поспешила в Лавру ко Всенощной. Спустилась с горки, а там большая газовая траншея. Лежали досочки для перехода, только наступила, поскользнулась, упала в траншею. С неба моросил дождь. Пыталась подняться – безуспешно. Долго я кричала о помощи, подошли мужчина и женщина, принесли ещё доски, с трудом вытянули меня из траншеи. Я вся в глине была, уже около Лавры, под краном, мыла своё пальтишко. Выжать хорошо не смогла. От холода вошла в Успенский собор, где шла служба. Купила свечу. Передо мной все расступились, ибо я была мокрая. После праздника среди отцов Лавры наметила найти себе духовника. Думала, как же я поеду в монастырь без благословения. И вновь совершилось чудо: в Троицком соборе монах в ветхом подряснике ставил свечи на подсвечник. От него веяло запахом ладана. Перешла на другую сторону, чтобы увидеть его лицо. Он был похож на преподобного, который кадил меня на горе около источника. Сказала себе: «это мой духовник». Он тогда, как мне сказали, кончал семинарию. В Лавре я была часто, но не смела к нему подойти. Позже он уже учился в академии и часто ходил с отцом Тихоном. Написала я ему прошение, просила принять меня где-либо на кончике среди достойных, у веряла, что не для каких-либо отвлечений его и себя. С трепетом я о жидала ответа. Его отцовская любовь и материнская нежность глубоко повернули мою жизнь в духовное русло. Он принял меня – великогрешницу, с той поры я самая счастливая в мире».

Так у Елизаветы появился духовный отец – иеромонах Кирилл (Павлов). Она стала первой духовной дочерью будущего старца. Он наставил её идти монашеским путём.

Схимонахиня Михаила в день пострига в схиму, Киево-Флоровский монастырь, 1996 г.

«Как я попала в монастырь? В Москве похоронили мою знакомую, молодую инокиню. Похоронили возле храма, рядом могилы батюшек, я сидела однажды подле могилы и думала: «Какая же она счастливая! Сподобилась быть похороненной в таком святом месте и рядом со священнослужителем. А я? Кто знает, где и когда Господь примет мою душу?» И вдруг рядом оказался мальчик лет девяти-десяти. После-то я поняла, что это был далеко не обыкновенный мальчик. Он будто прочитал мои мысли и сказал: «Посмотри, что у тебя написано в паспорте, там и будешь похоронена». Я открыла паспорт и ничего там для себя нового не нашла – указано, где родилась, прописка московская, и вдруг выпадает листочек с адресом одной моей новой знакомой – Киев. Поехала в этот замечательный город, и с 1953 года я монахиня Флоровского монастыря».

В архиве батюшки сохранилось письмо из Киева от схимонахини Михаилы (Елисаветы Горкиной): «…И нарекли меня схимонахиней Михаилой. Дивны дела твои, Господи! Это мне

исходатайствовала из загробного мира великая старица – схиигумения Михаила, которая первоначально приняла меня во Введенский монастырь в 1953 году и предрекла, что мне все дороги открыты во святую обитель. И я в ней завершу своё земное шествие. Старица эта с шести до девяносто трех лет прожила в обители. В 1960 году ликвидировали Введенский монастырь, игумения Михаила перед закрытием приняла от афонского старца схиму. Нас разделили поровну – в Покровский монастырь и Флоровский. Мы с матушкой игуменией Михаилой оказались в разных монастырях».

О встрече с Павлом Санталовым схимонахиня Михаила вспоминает: «Это был чисто деревенский парень. Взгляд ясный, чистый, во всём поведении какая-то детская наивность. Но каким же он был вспыльчивым и резким, когда касалось неверного, по его мнению, толкования какого-то момента церковной службы. В то же время, он прислушивался к слову каждого. Особенно он имел уважение к тем, у кого высшее образование. Он мне рассказывал о своём участии в войне, о родителях, о том, что им довелось перенести в ссылке, в селе родном. Павел просил помочь ему определиться в жизни в это тяжелое время. Разные были советы, но он ни на чём не остановился. Я серьёзно порекомендовала поехать в Троице-Сергиеву Ла вру и поступить в семинарию. Сначала он отказался, и что именно потом его заставило последовать моему совету, не дерзаю предполагать. Думаю, что склонность к духовной жизни, заложенная в нас нашими глубоко верующими родителями. Только из святого семейства мог выйти такой подвижник, каким был Павел. Вскоре я встретилась с его мамой. Мало сказать, что это была верующая женщина. Она была прозорливой, духовно высоким человеком. И она мне сказала: «Моему сыну уготован Господом монашеский путь».

Младшая сестра батюшки, А нна, родилась 9 сентября 1941 года, а 10 сентября Церковь празднует память Праведной Анны Пророчицы. Павел звал сестру «Анна пророчица» за жребий, который попросили её вытянуть, когда в семье решали вопрос учиться ему в семинарии или нет (в шапку положили бумажки, и она вынимала).

1 марта 1985 года Павел обратился с вопросом о поступлении в семинарию к отцу Николаю, в схиме Нектарию (Овчинникову). Батюшка до пятидесяти лет работал врачом – хирургом, встречался в Тамбове со святителем Лукой (Войно-Ясенецким), прошёл лагеря, в 1955 году в Ташкенте был рукоположен в сан священника епископом Ермогеном (Голубевым). Отец Николай сказал Павлу: «Поступай, конечно же, поступай. Не сомневайся и

не раздумывай», – и отечески ласково благословил его.

Глава 4. Учеба в московской духовной семинарии

«Коль возлюбих закон твой
Господи, весь день поучение мое есть».

Пс.118:97

Так в 1953 году Павел Михайлович Санталов оказался в стенах Московской Духовной Семинарии. В духовную семинарию он шёл, как ученик в школу: даже дневник купил и заполнил расписание «уроков»: апологетика богословия, гомилетика, греческий язык, догматическое богословие, древнееврейский язык, история Древней Церкви, конституция СССР, латинский язык, литургика, логика, немецкий язык, пастырское богословие, расколоведение, русский язык, Священное Писание Ветхого Завета, церковное пение. На этом «школярское» заполнение дневника закончилось.

Матушка Михаила (Горкина) вспоминает: «Первое время учёба в духовной семинарии ему трудно давалась, но потом всё наладилось, а когда он поступил в духовную академию, то уже многих превосходил и по знаниям, и по опыту служения в Церкви. К тому же маме и сёстрам, оставшимся в Артемовке, Павел как мог помогал материально. Деньги он зарабатывал, делая киоты для икон и рамки. Особенно много у него было заказов на оформление икон, он создавал прекрасное убранство из фольги».

Вот фрагмент сочинения первокурсника Московской Духовной Семинарии Павла Санталова на тему «Почему мы называем Матерь Господа нашего Иисуса Христа Преблагословенной Богородицей и Приснодевой?»:

«…Ещё в то время, когда наши прародители Адам и Ева впали в согрешение, милосердный Бог в утешение им дал обетование, что «семя жены сотрёт главу змия» (Быт. 3:15). Это означало, что рожденный от Девы Иисус Христос избавит человеческий род от власти диавола…».

Далее приведём план, по которому было с оставлено это сочинение и который дает представление о глубоких познаниях первокурсника Павла Санталова:

– молитва праведных Иоакима и Анны о рождении Пресвятой Девы Марии;

– введение Пресвятой Девы Марии в Иерусалимский храм;

– жизнь в Иерусалимском храме и Её занятия;

– обещание Пресвятой Девы Марии навсегда остаться Девою и обручение старцу Иосифу;

– жизнь в городе Назарете и Её занятия;

– явления Архангела Гавриила с благовестием о рождении от Неё Иисуса Христа и ответ Пресвятой Девы;

– посещение родственницы Елисаветы и Её приветствия;

– ответ Пресвятой Девы на слова праведной Елисаветы;

– святое рождество Иисуса Христа и избавление Его от прародительского греха;

– предвечное рождение Иисуса Христа от Бога Отца и цель принятия человеческого естества;

– наименование Пресвятой Девы Марии «женою» соответственно первому обетованию падшим прародителям;

Семинарист Павел Санталов с сестрой Раисой (слева)

В лавре преподобного Сергия, аллея ведущая к Покровскому храму. Семинаристы: слева – Плужников Георгий, в центре Санталов Павел, справа – Василий Остапенко (впоследствии игумен Виссарион), 26 сентября 1953 год

– Пресвятая Дева Мария называется Богородицею, и безболезненное рождение Иисуса Христа;

– в рождестве и по рождестве Она Дева, и наименование Её Приснодева;

– Её прославление в церковном чтении и пении;

– превосходство между Херувимами и Серафимами;

– кончина Пресвятой Девы;

– Её предстательство у Престола Своего сына за человеческий род.

Проверяющий протоиерей сделал заключение: «Содержание работы хорошее. Чувствуется собственный труд. Уместно приведены тексты Священного Писания…»

На втором курсе обучения Павел Санталов успешно защитил работу по церковному уставу «Божественные службы – Часы. Уставной порядок отправления и идейное их содержание». Высокую оценку иеромонаха Афанасия получила и работа Павла на тему «Какое практическое значение для священнослужителей имеет изучение Типикона».

Иеромонах Филарет остался доволен сочинением «Благовещение Пресвятой Девы Марии о рождении от Неё Иисуса Христа», также заслуживает внимания и работа на тему

«Нравственная жизнь христиан при Святых Апостолах», написанная по книге «Деяния Святых Апостолов».

Высокая оценка поставлена священнослужителем, ознакомившимся с сочинением Павла «Последствия грехопадения прародителей и Первоевангелие». Положительно были отмечены проверяющим такие сочинения, как «Благодать – спасительная сила Божия» и «Житие и подвиги Святого Александра Невского». Контрольная работа по греческому языку семинариста третьего курса Павла Санталова с пометкой: «При нахождении слов пользовался греческо-русским словарём, составленным А. Д. Вейсманом в 1879 году».

В духовной семинарии Павел учился вместе с почившим митрополитом Киевским Владимиром и митрополитом Белорусским Филаретом. У батюшки в архиве сохранилась фотография встречи выпускников по случаю десятилетия XI выпуска Московской Духовной Семинарии в июне 1967 года. На фотографии запечатлен молебен, который возглавил Филарет, епископ Дмитровский, викарий Московской епархии и ректор МДА.

Во время обучения Павел отказывал себе во многом, только на книгах не экономил. У односельчан даже сложилось убеждение, что с еминаристы живут очень богато! Он выполнял любые заказы, присылал в родное село отрезы ситца, рулоны рубероида. А сколько в Артёмовке от него получили стиральных машин! Он пересылал их по почте и, как правило, сам аккуратно упаковывал купленную вещь. Обшивка, мешочки – просто произведение искусства. Даже гвозди присылал. Это уж потом родные и сельчане узнали, что он подрабатывал тем, что делал мебель, рамы, оклады для икон, киоты, даже ходил разгружать вагоны. Со старинных открыток Павел стал срисовывать истории жизни Христа, мало кому признавался, что это его работа. Раздавал и говорил, что это друзья в Москве рисуют.

От родных сестёр, которые посещали его, Павел требовал, чтобы они обязательно ходили в городе на выставки, в музеи, смотрели в театре спектакли, поставленные по произведениям русских классиков.

Глава 5. Общение со старцами

«Высокодуховных людей сотворяют старцы».

Схимонахиня Серафима (Белоусова)

«Стяжи мирен дух, и тысячи вокруг тебя спасутся».

Преподобный Серафим Саровский

На Руси верующие люди всегда тянулись к старцам, чтобы узнать волю Божию и обрести духовную радость и свободу о Господе. Старчество – это особый вид служения, водительство Духом Святым. Старец, личным опытом достигший бесстрастия путем умной сердечной молитвы, получает дар рассуждения и различения духов и становится способным открыть волю Божию приходящим к нему. Особенно к старцам тянулись люди, желающие посвятить свою жизнь Богу и идти духовным путем.

Павел Санталов с юных лет общался со старцами. Об этом подробно описано в главе: «Послевоенные года. Поиск жизненного пути». В семинарии он познакомился с монахом Троице-Сергиевой лавры, человеком редчайшего дарования Божьего – схиигуменом Саввой (Остапенко). Когда тот переезжал в Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь, Павел помогал ему упаковывать вещи. Вдруг к ногам Павла со стены упала икона Божьей Матери «Взыскание погибших». Он повесил её на место. Икона опять упала к его ногам. Схиигумен улыбнулся: «Значит, это образ твой. Бери на молитвенную память». Эта икона, как благословение великого русского старца, была постоянно с отцом Павлом. Ещё схиигумен Савва подарил Павлу икону святителя Иоанна Новгородского с мощами. Когда 27 июля 1980 года схиигумен Савва преставился ко Господу, отец Павел с сестрой Надеждой (в будущем схимонахиней Артемией) ездили на его похороны. Вместе с сотнями других верующих они были свидетелями того, как мироточил и благоухал гроб, в котором лежал старец. Как ценнейшее руководство к духовной жизни, отец Павел своим чадам давал читать письма и открытки схиигумена Саввы. К сожалению, где они в настоящее время находятся – неизвестно. Есть надежда, что некоторые из них сохранились у

кого-то из духовных чад отца Павла.

Икона Божьей Матери «Взыскание погибших»

На каникулы домой Павел ездил на поезде «Москва-Воронеж», который делал остановку в Мичуринске. Недалеко от станции жила старица, схимонахиня Серафима (Белоусова), духовная дочь оптинского старца Анатолия младшего, и Павел всегда спешил с ней повидаться. До пострига матушка Серафима долгое время жила в Воронеже, после освобождения города от фашистов б ыла старостой прихода Свято-Никольского храма и помогала его восстанавливать. В Воронеже её друзьями были священник Николай Александрович Овчинников, (духовный отец Павла Санталова, впоследствии принявший схиму с именем Нектарий) и его сын, Георгий. Часто они вместе с Павлом приезжали к матушке Серафиме в Мичуринск. Отец Николай и познакомил Павла с матушкой, она хорошо знала семью Санталовых.

Иеросхимонах Нектарий (Овчинников) вспоминал о матушке: «Она служила нам примером. Вся её жизнь переплетена делами

любви. Свою беседу с людьми она наполняла словами любви и мира. Это все любящее сердце. Многому она научилась у оптинских старцев, с которыми вела беседы, потом подражала их жизни. Её духовным отцом был великий оптинский старец Анатолий. Семена, взятые ею из бесед с ним, не погибли, а сеялись и прорастали. Она сеяла их на почве любви. Много она потрудилась: сеяла семена везде, они возрастали и давали хорошие плоды. Она была женою, материю, другом, наставницей. Как мать, она простирала свою любовь не только к духовным чадам, но и ко всему миру. За всех плакала, плакала непрестанно, молясь за весь мир…».[23, 138]

Матушка Серафима очень любила слушать рассказы Павла о духовных людях, с которыми он встречался в Москве, Сергиевом Посаде. О Павле матушка Серафима говорила, что таких высокодуховных людей сотворяют старцы, встречи с ними. Когда Павел сломал руку, то в больнице её должны были загипсовать, но он отказался и поехал к матушке Серафиме в Мичуринск, раза три ездил. Матушка читала над ним молитвы, оборачивала руку листами с написанными молитвами, и рука быстро срослась – вот такая у матушки была сильная молитва.

Схимонахиня Серафима (Белоусова)

Знал Павел и достопамятного архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Он ездил к нему в Рязанскую область, где иерей Иоанн после пятилетнего заключения служил с 1957 по 1967 год на разных приходах. В 1966 году отца Иоанна Крестьянкина постриг в монашество схиархимандрит Серафим (Романцов), ныне прославленный в лике святых. С 1967 года иеромонах Иоанн

был переведен в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, где его не раз посещал отец Павел. Архимандрит Иоанн помогал батюшке советами и материально.

Схимонахиня Серафима (Белоусова)

Глава 6. Годы учебы в ленинградской духовной академии

«И поучахся в заповедех твоих, яже возлюбих зело: И воздвигох руце мои к заповедем твоим, яже возлюбих, и глумляхся во оправданиих твоих».

Пс.118:47–48

По окончании семинарии Павел не мог определить, какой путь избрать – семейный или монашеский. С июля по сентябрь 1958 года архиепископ Иосиф (Орехов, † 14.01.1961), управляющий Воронежской и Липецкой епархией, направил Павла на испытание псаломщиком в Елецкий Собор. Настоятелем Собора тогда был архимандрит Исаакий (Виноградов) – необыкновенный человек, горячий исповедник Христовой веры, молитвенник и подвижник, «носитель старого петербургского воспитания». В 1914 году отец Исаакий поступил в Петербургскую духовную академию и мечтал о монашестве, но с началом Первой мировой войны был призван в армию. После октябрьского переворота он вступил в ряды Добровольческой армии и участвовал в боевых действиях, трижды был ранен. В итоге он оказался на чужбине, где в числе тысяч других эмигрантов, вынужденных покинуть родину из-за революционных событий, он прожил двадцать пять лет, перенося испытания, сохраняя любовь к Отчизне, Богу и людям.

В 1945 году, когда советские войска освободили Прагу, где отец Исаакий служил священником в русском приходе, он был арестован и отправлен в Карлаг. Вскоре его освободили, и одиннадцать лет он прослужил в Алма-Атинской епархии. В 1958 году отец Исаакий перевелся в Елец, где двадцать три года ревностно служил Богу. Сразу и особым образом Павла Санталова пленили службы отца Исаакия в память о наших предках. Он вспоминал: «В этих службах как будто растворялось и исчезало само время: русские воины, остановившие полчища Тамерлана у древних стен Ельца, соединялись в нашем сознании с воинами, павшими в Великую Отечественную войну 1941–1945 года. Поклонение в равной мере могилам тех и других воспитывало в прихожанах патриотические чувства, вызывало огромный интерес и преклонение перед великим и славным прошлого Отчизны,

побуждало к деятельному труду и неустанной молитве во славу ее будущего. Доброта и прощение чужих недостатков сочетались в отце Исаакии с терпением и настойчивостью». [19, 304] Отец Исаакий был замечательным проповедником, на исповедь к нему всегда стояла длинная очередь. По-отечески он помогал молодым священникам, был духовником и наставником, писал проповеди и стихи. С любовью и искренней заботой встретил архимандрит Исаакий приехавшего Павла и вскоре ходатайствовал ко Владыке Иосифу (Орехову) о его поступлении в Духовную Академию. Архиепископ Иосиф (Орехов) благословил Павла продолжить образование в Духовной Академии и дал ему следующую рекомендацию.

Рекомендация

«Предъявитель сего Санталов Павел Михайлович 1925 года рождения… В 1957 году окончил курс Московской духовной семинарии. Он стремится к служению в священном сане. Просил о рукоположении его целибатом, но эта просьба отклонена ввиду его молодости.

Теперь он очень желает продолжить образование, но препятствует ему одна «тройка» в аттестате по латинскому языку. Он очень просил бы приёма в Ленинградскую духовную академию с разрешением ему сдать экзамен на высший балл по латинскому языку в течение академического курса.

Так как Санталов П. М. решил не вступать в брак и более склонен к монашеству, чем к семейной жизни, то получение им высшего богословского образования весьма важно и для дальнейшего служения его в священном сане с повышенной квалификацией. Сочувствуя его стремлениям, осмеливаюсь к его просьбе присоединить свое ходатайство о приёме его в число студентов Ленинградской духовной академии.

Санталов был послан мною на испытание в Елецкий собор. Настоятель собора и благочинный Елецкого округа архимандрит Исаакий (Виноградов) характеризует Санталова как человека верующего, хорошо (религиозно) настроенного, любящего Дом Божий и службу в нём, обладающего достаточным голосом и слухом, вполне удовлетворительно читающего на клиросе. Отец архимандрит отмечает его послушливость и уживчивость характера.

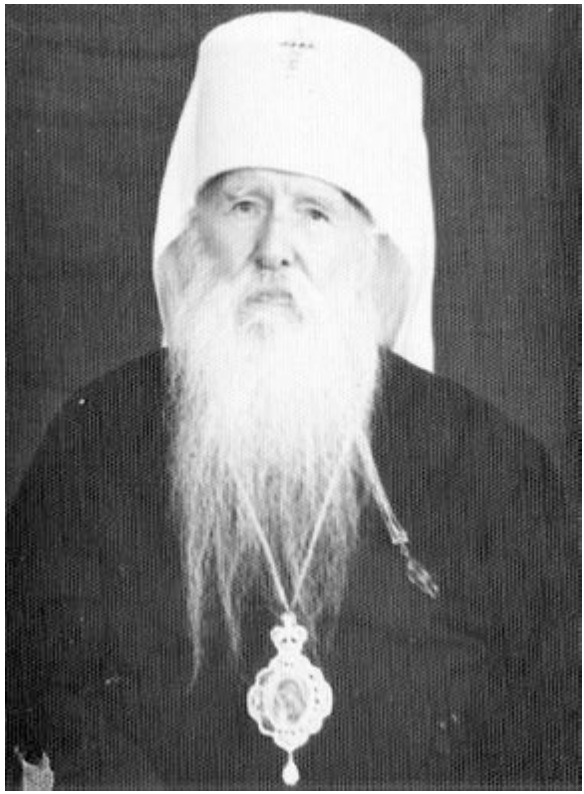
Долгом своим поставляю свидетельствовать о сем и рекомендовать Санталова для приёма в академию.

Управляющий Воронежской Епархией Архиепископ Иосиф.

4 сентября 1958 года».

В 1958 году Павел поступил в Ленинградскую Духовную

Академию. На первом курсе на «отлично» была оценена его объемная работа «Учение Православной Церкви о Священном Предании», при написании которой использовались труды Иоанна Филевского «Учение Православной Церкви о Священном Предании» (Харьков, 1902 год), «Камень веры» (Кострома, 1886 год), Макария, митрополита Архиепископ Воронежский Московского и Коломенского «Введение в Православное богословие» (Санкт-Петербург, 1872 год). Сохранилось сочинение третьекурсника Павла Санталова «Нравственное значение монашеских обетов». Оно интересно тем, что написано в январе 1961 года, когда рядовым православным была недоступна многая духовная литература. Достаточно перечислить список использованных книг, чтобы понять, насколько важен этот труд: Апраксин А. С. «Аскетизм и монашество», Киев, 1907 год; «О трёх обетах монашества: девстве, нестяжательности и послушании» (автор не указан), Москва, 1845 год; епископ Петр «О монашестве», Москва, 1885 год; Пимен (Валаамский) «В защиту монашества», 1876 год; архимандрит Пимен «Три слова о монашестве», Москва, 1902 год; игумения Таисия «Письма к новоначальной инокине о важнейших обязанностях иноческой жизни», Петроград, 1915 год; Творения Св. Иоанна Златоуста, т. 1, С. Петербург, 1898 год; «Удобнейший путь ко спасению» (автор не указан), Сергиев Посад, 1911 год; епископ Феофан «Напоминание всечестным инокиням о том, чего требует от них иночество», Москва, 1892 год. За сочинение преподаватель поставил Павлу оценку «отлично» с припиской: «Автор старательно и с большим усердием раскрыл содержание темы сочинения».



Архиепископ Воронежский и Липецкий

Павел стремился жить так, как тому учили святые отцы, труды которых он изучал не только для пополнения знаний, но и для духовной пользы. Он решил для себя, что признак истинной спасительной жизни таков: сколько бы кто не совершил душеспасительных дел – оставаться при мысли, что ничего не сделал (Лк. 17:10). Кто смиренномудро себя соблюдает, обнажается благодатью, и ему открывается, что он наг и беден.

Кандидатскую работу по богословию Павел написал по теме «Учение апостола Павла о священстве».

В 1962 году он окончил Духовную Академию со степенью кандидата богословия и был направлен в Воронежскую епархию. Вместе с матерью и сёстрами Павел переехал в Воронеж, где жил его старший брат Серафим.

Глава 7. Рукоположение

«Знаете ли вы, кто ближе всех следует за Христом, Господом нашим? Ближе всех следуют за Христом апостолы и девственники. Сначала идут за Христом апостолы, которым он сказал: «Грядите по мне»; далее идут позади Христа девственники, как видел святый девственник Богослов, который говорит: «Сии последуют Агнцу, аможе аще пойдет» (Откр. 14:4). Итак, позади Христа находится место апостольское и девственническое».

Святитель Димитрий Ростовский «Поучение в неделю вторую по Святом Духе»

«Нет, мирской я любви не изведаю, Не любил я и не был любим, Я от прелести дьявольской бегаю, Я любовью небесной томим. Божья Церковь мне будет Невестою, Я же буду ей рад как жених, И, влекомый мечтою небесною, От Невест откажусь я других».

Архимандрит Исаакий (Виноградов)

Отец Николай Овчинников, духовный отец Павла, пытался устроить его семейную жизнь. Павел украшал иконы, вырезая скальпелем под лупой тонкие замысловатые узоры из фольги, которые срисовывал с гардин, тюлевых занавесок и узоров на морозных стёклах. Глядя на это убранство, не верится, что вся эта тончайшая паутина сделана руками. Затем он покрывал работу особой белой краской и обрамлял ею святые образа. Многие брались обучиться у него этому делу, но не хватало терпения. От этой напряжённой работы у Павла воспалялись глаза, и

приходилось носить очки.

Иконы, украшенные батюшкой в святом угле его дома

Как-то вместе с отцом Николаем Павел пошел свататься к одной девушке, но она, увидев жениха в очках с двойными линзами, отказала, объяснив, что не хочет водить за руку слепого мужа. В скором времени она сама ослепла. Получив отказ в сватовстве, отец Николай сказал: «Нечего, видно, искушать судьбу, мы все это понимаем, а твоя мама, Павел, это поняла раньше всех нас. Твой путь – монашеский».

Схимонахиня Михаила (Горкина) вспоминает, что, когда отец Павел окончил академию, она уже жила в монастыре в чине монахини. Поздравив его с окончанием академии, она указала, что великий подвиг в наше время атеистических гонений за веру – служить Господу Богу. Когда видишь, что зло торжествует,

а добродетель в угнетении, чувствуешь в себе упадок веры в Промысле Божием. «Доколе грешники будут торжествовать? (Пс. 93:3) – вопросил святой Давид и затем духом пророческим рассудил: «По лукавствию их погубит их Господь Бог» (Пс. 93:23).

Павел советовался с матушкой Михаилой: «Никто иной, как ты рекомендовала мне поступать в семинарию, затем в академию. Что дальше? Скажи, как ты понимаешь, что полезнее мне по-христиански?» Она ответила: «Вам, отец, быть целибатом. Добро достигает своей цели, а зло остаётся постыженным. Господь Бог всемогущ, чтобы оправдать, осуществить те благие цели, какие он предназначил для человека». Промыслом Божиим, отец Павел был готов к этому.

Во время учебы в Ленинградской Духовной Академии, студент третьего курса Павел Санталов по предмету «Нравственное богословие» писал сочинение на тему «Нравственное значение монашеских обетов». В курсовой работе он показывал прообразы девства в Ветхом Завете, примеры девственной жизни в Новом Завете, учения Иисуса Христа и апостола Павла о девстве и мысли о девственной жизни и изречения святых отцов Церкви. Вот некоторые мысли о девственной жизни из его сочинения:

«Иисус Христос во время беседы с учениками об обязанностях человека к жене указал на подвиг девства: «Есть скопцы, которые из чрева матернего родились так; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19:12). Под скопцами, оскопившимися себя ради Царствия Небесного, разумеются все девственники, посвятившие свою жизнь спасению души. Этого трудного подвига девства Он не дает в обязательном порядке для всех, но говорит: «Не все вмещают слово сие, – говорит Спаситель, – но кому дано» (Мф. 19:12), потому что не все способны сохранить девство. Имеется также ясное учение об обете девства у апостола Павла в посланиях к Коринфянам, где он говорит, что «относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет» (1 Кор. 7:25). Этим он подтверждает слова Иисуса Христа, что приятие обета девства не является обязательным, а даёт совет, который заключается в том, что «хорошо человеку не касаться женщины» (1 Кор. 7:1), «но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе» (1 Кор. 7:7). «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом, а замужняя заботится о мирском как угодить мужу… посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий лучше» (1 Кор. 7:32–34; 7:38).

Наставник иноческой жизни, святой Иоанн Лествичник, говорит: «Все усердно оставившие житейское, без сомнения сделали это или ради будущего Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу» [14,5].

Под словом «девство» разумеется целомудрие безбрачной жизни. Внешнюю сторону девства составляет жизнь безбрачная – совершенное воздержание от всего, что дозволяется в жизни супружеской, а внутреннюю сторону девства составляет целомудрие, которое обуздывает чувственное пожелание, и, покоряя его разуму, хранит в чистоте душу и тело.

Угождение Богу, освящение тела и духа есть цель подвизающихся в девстве. Для того девственники и удаляются от супружества, чтобы земная склонность не задерживала их стремление к Богу. Если женящийся или выходящая замуж оставляют отца и матерь и соединяются узами плотской любви, то человек, посвящающийся девственной жизни, должен присоединиться всею душой к Богу. Девственники свободны от брачных уз, они легче и беспрепятственно могут служить Богу.

«Бог, пекущийся о нашем спасении, дал жизни человеческой, – говорит святой Василий Великий, – двоякого рода направление, т. е. супружество и девство, чтобы тот, кто не в состоянии вынести подвига девства, вступал в сожитие с женою, зная, что потребуется от него отчет в целомудрии, святости и уподоблении тем, которые в супружестве и при воспитании детей жили свято…, ибо Евангелия даны и оженившимся, и в послушании Евангелию потребуется отчет у всех людей – монахи они или живут в супружестве» [6, 38–40].

Важность обета девства заключается в том, что оно способствует достижению высшего нравственного совершенства. «Нет подвига более девства, – говорит Феогност, – ведущему безбрачную жизнь удивляются ангелы, потому что, сколько трудов и усилий надо чтобы, состоя из плоти и крови, стремиться всегда непорочностью подражать невещественности ангелов».

Святой Иоанн Златоуст говорит, что «девство есть дело столь великое и чудное, что превосходит все человеческие добродетели. Девство украшало первых людей больше, нежели царей диадема и золотые одежды. Что честнее, сладостнее, светозарнее девства? Ибо оно создает сияние блистательнейшее самих солнечных лучей и отрешив нас от всего житейского, приучает светлыми очами с вниманием созерцать Солнце Правды» [13].

Много похвальных слов о девстве имеются в творениях святых отцов, учителей Церкви и подвижников благочестия всех веков.

Но чтобы не возгордиться ведущим безбрачную жизнь пред

брачными, слыша, какие слова похвалы от святых мужей девству, то святые отцы предостерегают их от этого своими советами, не унижая ни того, ни другого состояния. «Ведущий девственную жизнь, – говорит святой Кирилл Иерусалимский, – не возгордись пред теми, которые вступили в брак, ибо «честна женитьба во всех и ложе нескверно» (Евр.13:4), как говорит Апостол. И ты, сохраняющий невинность, не от брачных ли рожден? Не презирай серебра, потому что ты золото».

Но одно отречение от брачного союза не составляет истинного и совершенного девства: совершенное девство состоит как в чистоте тела, так и души. «Если кто, по-видимому, хранит тело свое от растления блуда, – говорит Макарий Великий, – но внутренне прелюбодействующий перед Богом помыслами, то он не получит никакой пользы от девственности тела, ибо «всяк, иже воззрит на жену, во еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем» (Мф.5:28). Святой Иоанн Златоуст говорит: «Дева должна быть непорочна не только телом, но и душею, если хочет принять Святейшего Жениха. Ибо деву делает девственницей не одна безбрачная жизнь, но непорочность, целомудрие, уединение от всех, пребывание в молитве, воздержание от сластолюбия и роскошного питания. Хотя тело девы пребывает непорочно, но если главнейшая часть, т. е. душевные мысли оскверняются, что пользы, когда на разорении храма остается ограда».

Итак, целомудрие души состоит в том, чтобы всегда хранить ее от возмущений плотской похоти, от нечистых помыслов и мечтаний и, главное, не услаждаться ими. Напротив, ум и сердце нужно занимать упражнением в слове Божием, молитвою, размышлениями о духовных предметах.

Читая аскетическую литературу подвижников благочестия, святых отцов и учителей Церкви, мы видим, что они, говоря о монашеской жизни, указывали, что девственная жизнь, избавляя от мирских забот и печалей, доставляет полную возможность со всем усердием заняться главным делом – угождением Богу.

«По мере очищения сердца и освобождения ума от влияния страстей, очищается, просветляется и взор ума, и он удобнее может возноситься в высшую область созерцания Бога. И Спаситель говорит: «Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят» (Мф.5:8).

Целомудрие девства, подавляя волнение страстей и умиротворяя дух, восстановляет внутренний порядок душевных сил, а отсюда проистекает спокойствие души. Епископ Петр (Екатериновский).

Так и Павел Санталов принял решение всю свою жизнь без остатка посвятить Богу и людям. Желая заботиться о маме и

сестрах, он не сразу принял монашество, а сначала стал священником-целибатом.

8 октября 1962 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, в Покровском храме города Воронежа архиепископом Воронежским и Липецким Сергием (Петровым, † 04.02.1990) он был рукоположен в диаконы целибатом.

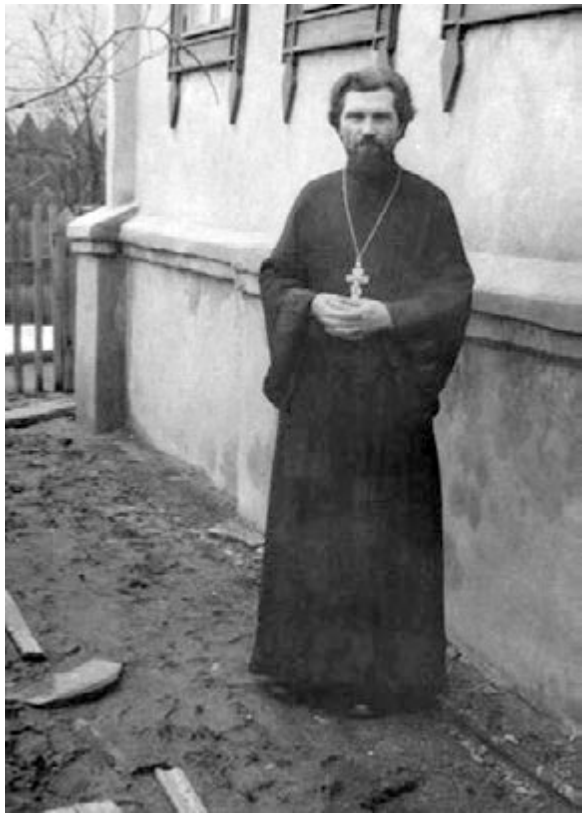
Новопоставленному отцу диакону Павлу Санталову

Как я рад в тот день великий
Мог Вас лично увидать
Вместе мог с тобой молиться
Что Господь ниспослал Вам благодать.
Девять лет мой друг в раздумьи
Все свою судьбу решал
Изливал свою молитву,
Чтоб никто не помешал.
Говорил тебе как другу и советовал как отец
Если ты найдешь супругу, если станешь под венец.
Жизнь семейная настанет, будут дети и семья
До тебе – не всё коснется, эту участь знаю Я.
Я спросил: «А как здоровье?»,
Ты ответил: «Плоховат».
Так тогда, мой друг любезный,
Оставайся не женат.
Ведь женатый он печется
О жене и о детях,
Его трудности встречают
На всех жизненных путях.
Кто о Господе печется
Как бы Богу угодить
Тот, конечно, и спасется
И пасомых оградит.
Слава Богу, что ты выбрал
Жизнь для Бога посвятить,
Слава Богу и дождался
Сан священный получить.
С днем рождения поздравляю,
дорогой мой отец Павел,
От души тебе желаю,
чтоб всегда ты Бога славил,
Чтобы ты от силы в силу,
восходил на высоту,
Чтоб имел в душе смирение,

к прихожанам – простоту.
Ты сегодня – отец дьякон
Скоро будешь иерей,
Будь ко всем ты одинаков,
Будь как стража у дверей.
Будь для всех ты как светильник,
Будь как пастырь, как отец.
Не боись волков свирепых,
Ограждай своих овец.
Буду за тебя молиться,
Чтоб Господь тебя хранил.
Будем вместе мы трудиться
До последних наших сил.

(рукой отца Нифонта подписано: «Стихотворение иерея Александра (Бородина) из села Мордово Тамбовской епархии, составленное и зачитанное в день памяти преподобного Сергия Радонежского Чудотворца рукоположенному вышеозначенному лицу».)

По благословению управляющего Воронежской епархией, Преосвященнейшего епископа Воронежского и Липецкого Сергия (Петрова), диакон Павел Санталов был направлен в Вознесенский Собор города Ельца для прохождения практики диаконского служения. Через месяц, 4 ноября 1962 года, в Казанском храме города Воронежа на престольный праздник отец Павел Санталов был рукоположен во пресвитера. После прохождения священнической практики в этом храме, 26 декабря 1962 года указом Владыки Сергия иерей Павел Санталов назначен третьим штатным священником в Казанский храм города Воронежа. Здесь батюшка прослужил шесть лет.



о. Павел после рукоположения

Глава 8. Служение в Казанском храме. Знакомство с духовными чадами святого праведного Иоанна Кронштадского. Перевод в Пятницкий храм села Боево

«Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм святый его».

Пс. 26:4

«Молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми его».

Пс 115:5

В те годы на весь Воронеж действовало всего три храма: Покровский кафедральный собор, Никольская и Казанская церкви, куда стекались не только горожане, но и жители окрестных селений. В этот период жизни отец Павел был молод, полон сил и лучших стремлений. Батюшка приходил в храм на службу в четыре утра, вынимал частицы за всех, о ком подавали записки.

В конце 60-х годов отец Павел приобрёл домик по улице Освобождения труда, 9б (ныне улица Введенская), в котором до него жила монахиня. Она умерла, и в 1965 году этот домик для батюшки приметил отец Николай (Овчинников). Можно было бы купить гораздо лучшее жильё на соседней улице Достоевского, но батюшка выбрал этот дом, который находился рядом с разрушенным Алексеево-Акатовым монастырём. Здесь веками было намолено.

Отец Павел в первые годы служения в Казанском храме, фото 1960-х годов

Маме и сёстрам отец Павел говорил: «Мы самые счастливые – будем жить между двумя храмами. С одной стороны – Введенский храм, а с другой – Алексеево-Акатов монастырь. Радостно осознавать, что ты ходишь по тем дорожкам, по которым в Алексеево-Акатов монастырь ходили многие православные святые».

Схимонахиня Филарета познакомилась с батюшкой благодаря дружбе с Надеждой (схимонахиней Артемией), сестрой отца Павла. В день Победы 1975 года они с Надей шли из храма и радовались тому, что так здорово стали отмечать один из святых дней нашей истории. Людей на проспекте было очень много, и вдруг навстречу им идёт улыбающийся батюшка! По тем

временам было немыслимо, чтобы священник в облачении на улице появился! А он шел свободно и уверенно, как по своему храму. На груди у него сияли медали, это был отец Павел. Надежда познакомила брата со своей подругой, и все вместе они зашли в дом Санталовых.

Домик был деревянный, а дерево батюшка особенно ценил. В доме он всё сделал своими руками. Схимонахиня Филарета вспоминает: «Весь двор дома отца Павла был в стройматериалах – кирпичи, доски, железо. Батюшка что-то пристраивал, расширял жильё. Я ещё удивилась, зачем ему одному. А он уверенно так сказал, что со временем, все храмы, которые рядом, откроются, и тут будет самое благодатное место. А в его домике будет жить много нуждающихся». У Нины Фёдоровны был брат Иоанн, который три года после войны был в плену у немцев. Она спрашивала у блаженного Иннокентия: «Как молиться за Ваню?» Он говорил: «Живы, живы, живы». И действительно, через три года брат вернулся из плена и доживал в доме батюшки Павла. Вспоминая плен, Иван рассказывал, как было тяжело: пл енных не кормили, вы живали те, кто питался очистками из мусора. Вернулся он с больным желудком и весил всего 35 килограммов. Умер Иван на Пасху. Надежда пришла с Пасхальной службы и дала ему в руку яичко со словами «Христос Воскресе!» Яйцо скатилось с руки, он улыбнулся, не в силах промолвить ответ, махнул прощально рукой и испустил дух.

В Казанском храме батюшка познакомился и сблизился с чтецом и певчим на клиросе Николаем Николаевичем Поповым († 19.07.2007), который был инвалидом. В свободное время он делал зубами оклады для икон удивительной красоты из латуни и меди. Отец Павел не скрывал своего восхищения по поводу мудрости, долготерпения Николая, его умения дать верный совет.

К Коленьке за советами обращались не только простые прихожане, но и священнослужители. Многие замечали за Колей дар прозорливости с юных лет, да и судьба его была очень интересной.

Родился Николай в Верхней Хаве Воронежской области. Отец в это время был в армии. Узнав, что сын появился на свет и нвалидом, отец не вернулся домой после службы. Мальчик остался с бабушкой и мамой Анной. Бабушка, Наталья Никаноровна, прекрасно вышивала, делала оклады для икон, а еще прекрасно пела на клиросе. Всему этому она научилась в Покровском монастыре Воронежа, куда её определили на учёбу с 12 лет. Опыт по украшению икон она передала Коле.

Отец Павел с Коленькой Поповым и прихожанками Казанского храма

А дедушка Николая Николаевича – Георгий – в юности стремился к монашеству. Три года он был послушником Симоно-Кананитского монастыря на Новом Афоне, готовился к постригу, но вдруг его одолели сомнения: «Я один сын у родителей. На кого их оставлю?» Три дня проходил он в сомнениях, потом как-то зашёл в келью и увидел у себя на подушке змею, которая шипела. Перекрестил он её, она и исчезла. Пришёл Георгий к настоятелю монастыря, а тот ему вдруг сказал: «Исповедуйся, в чём ты грешен?» Он рассказал ему о своих сомнениях, о встрече со змеёй. Настоятель сказал: «Нет моего благословения на твоё монашество».

Георгий вернулся домой, женился на Наталье, у них родилось десять детей. Были у них в хозяйстве лошади и коровы.

Отец Павел с чтецом Казанского храма Николаем Николаевичем Поповым

Георгий шил шубы, занимался мыловарением. Когда к власти пришли большевики, все хозяйство отобрали. Бабушка своими руками выносила на улицу нажитое добро, складывала к ногам комбедовцев и приговаривала: «Во славу Божию, во славу Божию». Ребятишки, видя такое, взяли и спрятали на печи часы, которые были с боем и играли гимн «Боже, царя храни». Бабушка их пристыдила: «Детки, запомните: ничего на этой земле нашего нет – всё отдайте, Господь нас испытывает».

Бабушка Наталья Никаноровна с шестилетнего возраста научила внука Колю читать на церковнославянском языке, привила любовь к молитве и Богу. Сама она окончила церковно-приходскую школу, знала наизусть многие акафисты и Псалтирь. Когда ребёнка отправили в больницу в Воронеж, то врачи заинтересовались им не только как больным, но и поразились его феноменальным способностям. Доктора обратились в Районный отдел народного образования с просьбой, чтобы там на мальчика обратили внимание. Представители отдела образования приехали и тоже удивись тому, что у Николая превосходные знания церковнославянского языка и успехи в математике, но заявили,

что заниматься с мальчиком на дому нет возможности, поэтому все школьные предметы он изучал дома сам. После чтения Евангелия и Псалтири на церковнославянском языке учение «Букваря» показалось Коле детской забавой, с такой же лёгкостью пошло понимание школьных премудростей.

Прабабушка и прадедушка Николая Николаевича в молодости жили в Семипалатинске. Однажды с ними произошел удивительный случай. Как-то они сели обедать, и молния ударила прямо в центр стола, всех разбросало в разные стороны. Потом дедушка Георгий рассказывал: «Отец очнулся и понял, что лежит на какой-то доске, которая вся в огне. Доска свисает над ужасной чёрной пропастью. Сейчас она догорит, и он полетит вниз, в бездну, где ждут его великие муки, и он закричал: «Господи, спаси! Господи, если спасён буду, в Киев пешком во имя Твое схожу!» Прадедушка пришёл в себя быстрее всех, прабабушка в бессознательном состоянии была сорок дней. Она говорила, что ей, как и дедушке, было подобное видение. Они решили идти в Киев не только сами, но и взять с собой детей.

По пути они узнали, что в Дивеево прибывает царь Николай II на канонизацию преподобного Серафима Саровского. Они сделали довольно большой крюк в пути и попали как раз к началу торжеств. Царя им удалось не только увидеть, но и получить от него благословение – икону. Три недели они прожили в Дивеево, а после богомолья в Киеве возвращаться в Семипалатинск не стали – остановились в Верхней Хаве.

Ксения Фёдоровна, духовная дочь Иоанна Кронштадтского

Такие удивительные предки были у Николая Николаевича. Коленька вспоминал об отце Павле с особой теплотой. Так сложилось, что Николай вдруг оказался без своего угла. Отец Павел узнал об этом и вскоре приехал к нему с одним своим другом. За три дня они выстроили для Николая жилье: теплая и надёжная пристройка получилась. Отец Павел сам распиливал бревна, сам тесал и с трогал, а друг ему, в основном, помогал.

Потом Николаю подарила жилье Ксения Фёдоровна, в юности она была послушницей у праведного Иоанна Кронштадтского. Многие желали быть близкими к святому батюшке, но он всех желающих очень интересно испытывал – спрашивал, что им снилось перед приходом к нему. Ему отвечали, и батюшка принимал решение. Как правило, отказывал в окормлении. Пришла однажды к нему на исповедь и Ксения Фёдоровна. Отец Иоанн задал ей вопрос про сон в прошедшую ночь, а снились ей неприличные вещи. Самое жуткое, что в крайне неприглядном виде снился сам батюшка Иоанн. Как ей ни было стыдно, но она

всё ему рассказала. После известный всей России пастырь говорил другим, что Ксения – о дно из самых чистых и честных созданий, и способна говорить только правду. Батюшка Иоанн Кронштадтский строго относился к постригу в монашество, не один год различных послушаний требовался для этого. В 1908 году, незадолго до смерти, он собрал самых близких сестер, своих духовных чад и сказал: «После меня останется совсем мало времени – придут и будут разгонять монастыри, готовьтесь к тяжким испытаниям…» Потом он подходил к каждой, клал руку на голову и говорил, что с ней будет. Провидел отец Иоанн тюрьмы и расстрелы. Когда он по дошёл к Ксении Фёдоровне, то сказал: «Тебя никто не тронет. Ты, как начнется смута, поезжай в Воронеж. Был я там, это – великий город, избранный святыми людьми. Приедешь туда и будешь сёстрам в тюрьмы посылки посылать. А потом будешь вокруг себя собирать тех, которые будут возвращаться из тюрем, которые будут гонимы». Затем, он вдруг поднялся над полом. Все изумились! Он же сказал: «Чада мои, это я вам показал, чтобы вы знали, какую силу дал мне Господь. Всё о чём вам сказал – сбудется».

Так оно и вышло. Когда в монастырь ворвались вооруженные люди и стали бесчинствовать, то Ксения Фёдоровна повела себя дерзко, наступательно. Всех в тот раз увезли, кого куда. После она узнала: кого-то расстреляли, кто-то в тюрьму попал, других в ссылку отправили – всё произошло так, как предсказывал святой праведный Иоанн Кронштадтский.

Кения Федоровна, по совету отца Иоанна, поехала в незнакомый для нее Воронеж. Прожила она там скрытно, незаметно до ста пяти лет и отошла ко Господу в 1971 году. Какую же помощь эта скромная женщина оказывала тем, кто удостоен был быть рядом с ней! Она заботилась об арестованных сестрах, отправляя им посылки в тюрьмы. Бывало, принесёт она посылку на почту, там взвесят и ей говорят: «Бабушка, у Вас лишние полтора килограмма…». Ксения Федоровна отвечала: «Эх, миленькая, знала бы ты, куда я их посылаю, да скольким людям от них польза будет, ты бы эти граммы не мерила». Заведующая почтой была верующей женщиной и всегда говорила своим работницам: «Девчата, под мою ответственность: какого бы веса посылка ни была – от Ксении Фёдоровны принимайте».

Вместе с Ксенией Фёдоровной в Воронеже жили и другие духовные дочери святого праведного Иоанна Кронштадтского, прошедшие тюрьмы: Настёна (по документам Анастасия Васильевна Кафанова), родившаяся в 1894 году в деревне Пашкино Измайловского уезда Курской области; Наталья Акимовна Журавлева (1890 года рождения из Вятской губернии),

Евдокия Павловна Блинкова (из Севастополя, 1894 года рождения), Мария Антоновна Дубровская (из-под Витебска, 1900 года рождения).

Отец Павел собирался записать рассказы Ксении Фёдоровны, Настёны, Марии, Наталии, да так и не успел – очень занятой человек был, без оглядки и остатка отдавал себя страждущим людям. Ксения Фёдоровна была великая трудница – всегда пребывала в постоянной молитве, даже за ворота дома она почти не выходила. Она рассказывала, что Дорогой батюшка (так они все называли святого Иоанна Кронштадтского) благословил её непрестанно молиться за весь мир.

Близкие звали её «поклонница», потому что в день она совершала по три тысячи поклонов. В любое время года она ходила в холщевой рубашке и босиком, даже в сильные морозы. На день Ксения Федоровна пекла себе два блина: один съедала утром, а второй вечером – это и была ее дневная пища. Зимой в доме, где она жила, всегда было холодно, потому что печь топилась пучками соломы не для тепла, а лишь для приготовления пищи. Ксения Федоровна принимала у себя только батюшек и тех, кто за веру в тюрьмах отсидел, в ссылке отбыл. К ней за советом не один раз приезжал из Ельца священник Николай Овчинников. В доме на улице Пионерской 99, где жили духовные дочери святого праведного Иоанна Кронштадтского, отец Николай совершал службы.

Батюшка Павел тоже часто бывал у них, много помогал им по части строительства: то забор поправит, то в погребе порядок наведет, из мебели что-нибудь починит. Помогал он и с оформлением разных документов, приносил иконы, календари, продукты.

25 октября 1968 года иерея Павла Санталова назначили настоятелем Пятницкой церкви села Боево. Приход храма был бедным и немногочисленным, храм нуждался в ремонте. Свое пастырское служение отец Павел совершал с большой любовью, заботой и терпением, за что снискал ответную любовь прихожан. За четыре года служения в Боево, иерею Павлу удалось отремонтировать и расписать храм, увеличить число прихожан, выправить финансовое положение прихода. Батюшка много трудился, благоукрашая храм святой Параскевы Пятницы. Многие его чада приезжали из города помогать в его нелегких трудах.

Указом архиепископа Воронежского и Липецкого Михаила (Чуба) № 302 от 5 апреля 1972 года ко дню святой Пасхи за усердное служение иерей Павел был возведен в сан протоиерея.

В Боево отец Павел познакомился с молодым человеком, Георгием Тихоновичем Савченко, который искал у него совета на

жизненном пути. Батюшка благословил его читать на клиросе. В скором времени Георгий принял монашество, ныне он – архимандрит Амвросий, наместник мужского монастыря в Илуксте Даугавпилского района Латвии. Отец Амвросий часто переписывался с батюшкой и ежегодно навещал его.

Архимандрит Амвросий

Для благоустройства Пятницкого храма батюшка пригласил художника-самоучку Кирилла Гончарова. Когда тот внезапно умер, и его жена осталась с пятью детьми на руках, батюшка взял на себя заботу об этой семье. Он приезжал к ним, привозил всем подарки, давал какие-то деньги, а главное – помог всем детям получить образование. Трое из них стали священниками, один

псаломщиком.

У отца Павла был прямой и смелый характер. Он не боялся встречать у себя людей, которыми интересовались органы внутренних дел. Отец Павел рассказывал, что его вызывали в КГБ и допытывались: «Не знаете ли вы такого, истинно православного христианина по имени Аркадий?», – грозили прийти с обыском домой. Аркадий этот был странником, о нём говорили, что он «царский сын». Батюшка Павел подвергался опасности за то, что водил с ним дружбу и принимал его у себя в доме. В 60-е годы в Ясырках и Ячейке было много монашествующих. Там же служили старцы, прибывшие туда после закрытия Почаевской лавры – отец Серафим (Мякинин), отец Валерий (Мирчук). К ним на службы и за духовным советом стекались верующие отовсюду. Отец Павел тоже часто посещал старцев в Ясырках, Ячейке и Мордове.

Приехал как-то отец Павел в Малые Ясырки, а в Михайло-Архангельском храме шла служба, служил один священник из Воронежа. Отец Павел увидел его, помолился и вышел. С ним были его прихожане, которым он сказал: «Я в алтарь не пойду, там – Н.». Ничего никому объяснять отец Павел не стал, но всю службу так и простоял у двери. Многие в тот день осудили батюшку, считая такой поступок проявлением гордыни. Однако это было совсем иное: вскоре тот священник за действия, несовместимые с саном, был запрещен в служении.

Был случай, когда отец Павел разоблачил «шпиона». К старцам не раз под видом мастерового приходил один человек, который чинил примусы, лудил кастрюли и всегда старался остановиться на постой у верующих людей. Но было замечено: после его ухода кого-нибудь привлекали к ответственности за «антисоветскую пропаганду» или «пропаганду религиозных убеждений». Однажды в одном из храмов Воронежа отец Павел увидел его служащим диаконом. На собрании в епархии батюшка попросил этого диакона встать и рассказать о целях его визитов в сёла, где жили старцы. Когда тот стал давать невразумительные ответы, батюшка назвал все вещи своими именами и потребовал отстранить от церковной службы «пособника чекистов».

Ксения Фёдоровна отца Павла предупреждала: «Будь более смиренным, не иди в открытую против властей. Не нарушай ими установленные правила». Однажды после службы на трапезе Ксения Фёдоровна сказала одной прихожанке: «А ну-ка, надери чуб отцу Павлу. Как это не можешь? Ну и что из того, что он батюшка? А коли у него нету смирения? Потаскай, потаскай его за чуб. Вот так!» – и сама взяла батюшку за волосы, без всяких шуток хорошо его оттаскала – вскоре стало понятно за что. В самом начале 70-х годов кто-то из прихожан написал архиерею

донос на батюшку о том, что он нарушил законодательство о требах – совершил венчание на дому. Протоиерей Павел признал, что повенчал на дому супругов Рыжаниных, так как супруг, Рыжанин Иван Павлович, был инвалидом первой группы и передвигаться не мог. Совершить венчание было искренним желанием супругов, так как они считали себя блудниками и боялись лишиться Царствия Божия. За совершение венчания на дому Владыка Платон (Лобанков), епископ Воронежский и Липецкий, освободил протоиерея Павла от настоятельства в Пятницком храме и назначил настоятелем Никольской церкви села Никольское Аннинского района (140 км от Воронежа), Указ от 4 января 1973 года. Отец Павел тогда о тказался от этого перевода и остался без прихода. Батюшка очень скорбел, но добрые люди не оставляли его. Архимандрит Исаакий (Виноградов) и отец Николай Овчинников желали, чтобы отец Павел приехал служить к ним в Вознесенский Собор города Ельца.

4 апреля 1973 года протоиерей Павел написал прошение Владыке Платону: «Прошу Ваше Преосвященство простить мое преслушание, которое было проявлено в отказе ехать в другое место служения. Я осознал свою ошибку, раскаиваюсь в своих поступках и прошу дать мне место служения по Вашему усмотрению». К прошению батюшка приложил написанное им стихотворение – прошение «Плач» и направил его Архипастырю.

Прошение

Ваше Преосвященство,
возлюбленный о Господе Владыко Платон!
Как не хотелось брать перо в руки
И эти строки писать…
Какие в сердце моём муки!
Душе приходиться много страдать.
Пишу, как подневольный –
Излишества о себе всегда боялся…
На сердце уныло и больно –
Всем чужим оказался…
Унылую песню Вам пропою –
Куда теперь мне деваться?
Что дальше меня ожидает,
Отлучённого дела родного?..
По Божьему велению старался жить.
С детства стремления – к Богу.
Старался Ему и людям угодить –
Избрал святую дорогу.
Восемь лет учился,
Чтобы пастырем быть,
Но в списках преступников появился –
Как же слёз мне не лить?!
Более десяти лет исправно служил –
В моей преданности Богу не было сомненья,
А сейчас? Главу перед вами склонил:
В Вашем сердце есть ко мне сожаленье?
Москва дала указание обеспечить меня каким-либо приходом,
Но в ком-то нет Божьего сознанья
Не удостоен даже взором.
Правды нигде не добьёшься,
Нигде её не сыскать –
Обильно слезой обольёшься,
Будешь душою страдать.
Заботы я ль не проявлял
К украшенью храма святаго?
Этого никто не увидал –
Зато лжи собрали много.
Пришёл в запущенный храм –
Бедность царила.

Сейчас благолепие там –
Почто зло от всего удалило?!..
Вот как может случиться –
За правду и честность заставят страдать.
Ни до кого не достучишься –
В долгой скорби век пребывать?
… Христианский путь – страданья,
И к ним надо с любовью…
Сколько жатвы кругом!
А делателей – мало…
Священника не пускают в Божий дом –
Но и времечко настало!
Везде в священниках нужда –
Сколько храмов позакрыто,
За что поругана земля?
Ответа нет. Сокрыто.
Господь сказал: «Как жатвы много!
… Нивы давно созрели».
Нельзя к жнецам так строго –
Мои волосы, как колосья, тоже поседели…
…Владыко! Если будете на месте,
То есть в Воронеже служить –
Соберёмся изгнанные вместе,
Будем спокойно, радостно жить.
Дай Господь Вам здоровья, силы,
Чтобы паствой управлять,
Быть верным Богу до могилы,
Молитвой паству подкреплять».

Ксения Фёдоровна благословила Настёну, которая с ней жила, поехать с отцом Павлом в Москву к патриарху Пимену и говорила батюшке: «Да, смотри, кайся! Сам во всём виноват – никого не вини, эту власть и это время нам надо перетерпеть, пережить. Или вам всем даже благословение нашего Дорогого батюшки не указ?»

Отец Павел относился к Настёне с особым трепетом. Она ведь росточком была совсем маленькая – метр сорок, как ребенок. Интонация, голос – сама детская искренность, наивность. Сухонькая невзрачная старушка, она мало с кем общалась из мира и мало кто знал, что она была послушницей у святого праведного Иоанна Кронштадтского. В восемь лет она по его благословению распространяла дешёвенькие брошюрки духовного содержания. Однажды продала книжечки, и так ей

захотелось конфет, взяла да и купила за копеечку леденцового петушка на палочке, съела – и стало ей стыдно. Пришла к батюшке Иоанну и покаялась за содеянный грех, а он посмеялся и сказал: «Ну, Настёна – сластёна, мы с тобою помолимся, и до девяноста лет конфеты есть не будешь». После этих батюшкиных слов за всю оставшуюся жизнь Настенька не съела ни одной конфеты, ни одной ложки сахара. Говорила, что к сладкому у неё никакой тяги не было. У Настёны были бокалы и тарелки, подаренные батюшкой Иоанном Кронштадтским. Причащал ее только отец Павел. Как-то священник Валерий Клинов, который постоянно посещал Настёну вместе с отцом Павлом, спросил у неё – почему она у других священников не причащается? В ответ она улыбнулась хитро и дала объяснение: «Дорогой батюшка наш Иоанн Кронштадтский в сапогах ходил, а сейчас никто из батюшек сапоги не носит, отец Павел один в сапогах остался. Ты же вот, современный, в ботинках…» Батюшка обращал внимание на то, какие были мухи в квартире у Настёны: осень, а они не не раздражали людей. Мухи садились, и ощущалось прикосновение какой-то нежности.

Умерла Настёна, как и предсказал отец Иоанн Кронштадтский, в 95 лет.

Итак, батюшка Павел с Настёной поехали в Москву. В Патриархии к ним подошёл служка с вопросом, а старица сказала: «Доложи Патриарху, что к нему Настёна из Воронежа приехала». Вдруг открылись двери, на пороге стоял Святейший Патриарх Пимен. Он распростер объятия – к Настёне: «Настенька, дорогая! Да, как я рад тебя видеть! – и повёл их к себе. Патриарх сам накрывал на стол, сам наливал чай и всё расспрашивал Настёну, а потом сказал: «Ладно, теперь давай о главном – что тебя в Москву привело?» Она ему поведала: «Я-то здесь не причём. Вот, у молодого батюшки, хорошего человека, большие скорби».

Схиархимандрит Серафим (Мирчук)

Патриарх выслушал отца Павла и заверил: «Поезжайте в Воронеж – вопрос о возвращении на службу считайте решённым». Но Владыка Платон не мог пойти против воли обкома партии и уполномоченного по делам религии и отказал даже Патриарху. Однако компромисс все-таки был найден – Владыка Николай, епископ Курский и Белгородский, с большим желанием взял отца Павла к себе в епархию. Указом от 27 декабря 1973 года протоиерей Павел Санталов был назначен на должность настоятеля церкви святого Димитрия Солунского села Хорошилово Старооскольского района Белгородской области.

Анастасия Васильевна Кафанова (Настена)

Глава 9. Возрождение храма святого великомученика Димитрия солунского в селе Хорошилово

«… Покажи им вид храма и расположение его, и выходы его, и входы его, и все очертания его, и все уставы его, и все образы его, и все законы его, и напиши при глазах их, чтобы они сохраняли все очертания его и все уставы его и поступали по ним».

Иезекииль, 43:11

«И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними…»

Откр. 21:3

Так в 1973 году батюшка Павел переехал в Курско-Белгородскую епархию (ныне Белгородско-Старооскольскую) и стал настоятелем храма Святого великомученика Димитрия Солунского села Хорошилово Старооскольского района.

Отец Павел около своего дома в селе Хорошилово, фото 1980-ых годов

Это был третий и последний приход в жизни отца Павла, здесь он прослужил двадцать четыре года и жил в уединении и непрестанном труде, лишь изредка приезжая в Воронеж, чтобы навестить мать и сестёр. Хорошилово – село отдаленное и разбросанное от улицы до улицы на несколько километров. По приезду ба тюшка поселился в маленьком низеньком домике, состоящем из двух комнат, с худой крышей, покрытой соломой. Это жилище находилось в очень неудобном месте: ес ли шел дождь, грязь приходилось месить долго, а как отсюда выбираться во время снежных заносов?

В домике была полуразвалившаяся старая печь. По воспоминаниям крестника отца Павла, Сергия Гончарова, которому батюшка заменил внезапно умершего отца: хатка «завалюшка», а в ней батюшка прожил 17 лет. Она была такая низкая, что когда отец Павел причёсывался, рукой задевал потолок, двери не закрывались. Обычно сараи, где держат скотину, гораздо лучше, чем тот батюшкин домик.

Храм святого Димитрия Солунского села Хорошилово, 1970-ые годы

Никакого комода или шкафа для парадной одежды у отца Павла не было. Но оказалось, это потому, что и одежды у него особо не было – все его было на нем. Батюшка зимой и летом ходил в чёрном прорезиненном плаще простого кроя. У него не было и личного автомобиля, хотя машины уже имелись почти у всех священников. Зарплату батюшка в храме не получал, жил на приношения прихожан и свою военную пенсию, да и из неё

нередко брал деньги на нужды храма.

Отец Павел из своей хатки уходил в церковь в четыре часа утра. В любую погоду он шёл в храм два километра. Зимой батюшка обычно говорил: «Ну, пошёл доярочкам дорожку прокладывать». Он пройдёт по сугробам, а уж за ним на утреннюю дойку доярки идут. Трудно даже представить, как он зимой переодевался в храме в холодное облачение и читал записки о здравии и о упокоении. За великий грех считал он на утренней молитве не помянуть всех, о которых просили. Помянник его насчитывал несколько тысяч имен.

Храм святого Димитрия в Хорошилово – старинный, был построен в 1824 году. В алтаре на плите сохранилась надпись о том, что престол был освящен в 1902 году. Закрыли храм богоборцы в 1937 году. По преданию, комсомольцами был замучен до смерти настоятель храма иерей Сергий, похороненный у алтаря. Вновь открыт храм был в сентябре 1942 года немецкими оккупантами, широко поощряющими открытие церквей (во время войны было открыто 10000 храмов). [11, 30]

Ко времени приезда батюшки церковь нуждалась в большом ремонте и внутри, и снаружи. Храм – это образ неба на земле, Горний Иерусалим, это корабль, подобный Ноеву ковчегу, на котором мы плывем в Царство Небесное. Храм похож и на человеческую фигуру. Купол, который венчает храм – это голова, барабан, на котором стоит глава – это шея, своды храма похожи на плечи, а четверик – на тело, окна же напоминают глаза. Апостол Павел называл человека «храмом Святого Духа». Возрождая храмы Божии, люди приносят покаяние, очищаются от грехов, восстанавливают «храмы своих душ».

Со всей ревностью батюшка Павел принялся за реконструкцию храма. Первым делом он очистил площадь вокруг церкви от мусора и зарослей травы. Потом удивил всех тем, что сам вычистил туалетную яму, а нечистот там было вёдер шестьдесят. Батюшка вырыл на новом месте новую яму.

Анна Николаевна Анисимова (схимонахиня Иоанна † 16.02.2010) – староста, казначей, сторож и уборщица храма – сделала ему тогда замечание: «Не священническое это дело, можно было бы кого-то нанять, а старую яму – просто напросто засыпать». Батюшка же на это так ответил: «По отхожему месту, по его состоянию судят о хозяине». Он тут новый хозяин – к нему должны приходить и понимать: коль в туалете убрано, то уж за его пределами и подавно порядок должен быть.

Люди, жившие в Хорошилово, видели старания отца Павла, но при встрече с ним объясняли, почему они не посещают службы – боятся навлечь на себя гнев местного руководства. Он

на это отвечал: «Рано или поздно вы в храм придёте – вас позовут и помогут вам ваши дедушки с бабушками, все ваши предки, жившие достойной жизнью в Боге. Страх? Не тех бойтесь: в страхе Божьем надо прибывать – только-то и всего. А молитесь пока дома», и дарил при этом иконочку. Так после первой беседы завязывалась у человека прочная дружба с батюшкой. Многие стремились хоть в чём-то ему помочь ему. Под его влиянием все дети в селе были крещены.

Во все окрестные деревни и сёла батюшка дарил кресты и иконы, с которыми должны провожать отошедших в мир иной. Эти выносные кресты и иконы он делал и писал сам, потому что во времена гонений на церковь купить их было невозможно. Батюшка быстро взялся и за организацию церковного хора, но все было не так просто… Этим хором руководила Марфа Егоровна Малахова. Господь даровал ей редкостный громкий голос – низкий альт, регентовать у нее получалось хорошо. Всей душой Марфа Егоровна болела за храм, но по – своему: ревностно, порывисто, искренне. У неё был особенный характер – не сердитый, не сварливый, но очень жёсткий. Марфа всегда и во всём перечила, неделями с батюшкой не разговаривала. Часто она обещала уйти или в монастырь, или в другой приход, где она, разумеется, будет принята с таким голосом с превеликим удовольствием. Но все же о на оставалась и продолжала перечить отцу Павлу. Он даже плакал от неё и просил: «Спасите меня от Марфы». Из-за неё из села Хорошилово убрали несколько священников, чего она не скрывала: «Кто меня не слушается, тот долго здесь не служит». Марфа жаловалась на батюшек в епархию, в райисполком. Отец Павел упрекал её за излишнее усердие: много времени расточается на репетиции. Он всем доказывал: можно работать и одновременно петь духовные песнопения. Анна Анисимова (схимонахиня Иоанна) вспоминала: «Как же у нас хорошо было, работа кипит, а над селом чудными голосами льются песнопения во славу Божию. Мне казалось, что при таких батюшкиных «репетициях» Небеса открывались, и наши души прямо к раю подлетали». Но у М арфы Егоровны было свое видение, она даже ездила в Старый Оскол к старцу Алёше († 28.03 2012) с жалобами на отца Павла.

Старец Алексей Фёдорович

Её остановила мама Алёши, Елена Никаноровна (схимонахиня Сергия): «Ты про этого батюшку не клевещи, он наш батюшка, и мы с Алёшей никому в обиду его не дадим». К слову сказать, пока отец Павел служил в Хорошилово, он все двадцать четыре года причащал старца Алексея Фёдоровича.

Для восстановления храма батюшка Павел пригласил к себе из Воронежа художника Алексея Бирюкова, они вместе расписывали церковь. Когда Алексею говорили с восхищением о его мастерстве, он пояснял: «Я только рукой вожу, а пишет-то отец Павел. Он всё расскажет, разъяснит – даже подскажет краски размешать как. Нет, отец Павел художник, а я у него в подмастерьях». Алексей Бирюков писал иконы, картины на евангельские сюжеты, а батюшка, зная толк в живописи – орнаменты. Росписи, создававшиеся многие годы, продуманы до мельчайших деталей. По ним можно «читать» историю сотворения мира, грехопадения и явления миру Христа. Под сводами храма отец Павел сам написал образы Херувимов. Краски получились воздушные, светлые – всё в гармонии и единстве. Вдоль стен храма стоят не обычные скамейки, а белоснежные рундуки, расписанные цветами и растительным орнаментом. Даже подоконники храма выполнены в иллюстрациях на библейские темы. Поскольку уполномоченный по делам религии с ледил за тем, чтобы в храме не было никаких работ, то расписывали храм по ночам, завесив окна одеялами, чтобы не было видно света. Анна закрывала батюшку и Алексея на ночь в храме и снаружи вешала замок, чтобы никто не догадался, что там трудятся.

Отец Павел Санталов с иконописцем храма Алексеем Бирюковым

Ксения Фёдоровна всё провидела. Когда батюшка приезжал из Хорошилово, то она расспрашивала его о делах и была довольна тем, что он от неё ничего не скрывает. Она говорила: «Отец Павел – как ребёнок. За ним следить и следить надо». Смеялась Ксения Федоровна по поводу проявления его «гордыньки». Батюшка рассказывал, что, когда они расписали купол, то он не удержался и дал распоряжение – в незаметном месте написать: «Сия роспись сделана по благословению протоиерея Павла Санталова рабом Божиим художником Алексеем Бирюковым».

Внутреннее убранство Дмитриевский храма, с. Хорошилово

Слава о том, что батюшка любил иконы, далеко расходилась. Часто к нему приезжали люди с товаром и предлагали купить у них иконы. Он посылал их в храм: «Если найдёте там свободное место, то с удовольствием приобрету». Они заходили в храм и выходили потрясенными – не только новую икону, но и к алендарь отрывной повесить было негде.

Батюшка так храм внутри расписал, что о свободном пространстве не могло быть и речи. Племянница Анны Анисимовой, Наталья, преподаватель географии, вспоминает: «Первое, что он мне и сёстрам подарил – пластилин. А однажды приехали, а он нам по куску шоколада дал.

Внутреннее убранство Дмитриевский храма, с. Хорошилово

Мы с Евдокией долго не могли понять, как с ним надо обращаться – думали, что это какой-то пластилин особый, и из него нам тоже надо лепить «красоту». То, что батюшка Павел – творец красоты, мы поняли сразу. Он всё делал красиво. Чудом было то, что сам-то он ходил в изношенной одежде, которая вся в глине, краске, жил в какой-то избушке, похожей на конуру, вечно в ней текла крыша, гуляли сквозняки. Да и храм его тоже был каким-то невидным – кривобокая кровля, окна закрыты наглухо какими-то коврами, старыми одеялами, шинелями. Оказывается, что это делалось для того, чтобы изнутри не пробивался свет, когда батюшка по ночам работал в храме. Помню своё посещение церкви: вошла в неё ранним утром, солнце играло лучами под куполом, а он был так расписан, что у меня от красоты дух захватило. Потом открыли перед службой окна – такой радости, расплёсканной по стенам, дверям, лавкам, больше нигде я в жизни не встречала, хотя приходилось бывать и в музеях, и в картинных галереях, и в старинных дворцах».

Евдокия, сестра Натальи, воспитательница в детском садике, добавляет: «У нас в детстве была какая-то радостная тайна, красота в храме открывалась только для нас. Только мы знали, что за чудеса творятся втайне от людей. Ведь батюшке запрещали расписывать храм. И еще была тайна: мы все крещены были батюшкой Павлом. Никто из наших друзей и подружек не знал, что у нас есть «свой» батюшка, у которого мы исповедуемся и причащаемся. Наша мама и её сестра, тётя Нюра, учили нас особо

о своей вере в Бога не распространяться, «держать Господа в душе».

Как-то старостой села Хорошилово власти поставили «своего» человека, абсолютно не верующего, чтобы он следил за церковной кассой и доносил о малейшем «самоуправстве» батюшки. Староста рьяно взялся за дело, но вскоре попросился к отцу Павлу на исповедь и во всём сознался – стал глубоко верующим и был все годы очень близким батюшке.

Однажды в селе от одного сорокалетнего мужчины-пропойцы ушла жена, оставив ему детей. Отец Павел пригласил его помочь при строительных работах. Мужик долго торговался, обговаривал условия – чтобы обязательно была выпивка, но вдруг с ним что-то произошло: к стакану с проклятым зельем даже прикасаться перестал. Батюшка его попросил, чтобы он отыскал свою жену и вместе с ней пришёл к нему – та наотрез отказалась. Мужик стал посещать храм, начал вести праведную жизнь, детей до ума довёл, а про жену рассказывали – спилась в городе.

Священник Евгений Хренов вспоминал: «Лично мне даже трудно представить, когда отец Павел отдыхал?

Однажды мы с Сергием решили заехать к нему в гости. В дороге вышла поломка, и мы попали в Хорошилово где-то около четырех утра. Стучимся. Слышим: «Ну ладно, я не сплю. Кто же ещё такой объявился?» Вся основная работа в храме им проводилась ночами. Его власти пытались и ночью застать на «месте преступления». Интересный случай был. Он сам мне про него рассказывал. Отца Павла несколько раз предупреждали, чтобы он в церкви никаких работ не производил. Днём за ним был установлен со стороны местного руководства контроль. А что ночью делается «местная власть» не замечала – батюшку в селе уважали. И вот как-то под утро приезжает начальница из райисполкома, не поленилась. Церковь на замке, а внутри свет горит. Нюру вызвали. А она «знать ничего не знает» и ключей у неё нет. Начальница попросила своего водителя сломать замок. Что он и сделал. Зашла в храм, начала поиски. Во все закоулочки заглянула, подо всеми лавками и столами проверила. Нигде нет отца Павла. А батюшка лёг на доски лесов, затаился и сверху следил за действиями инспекторши. Вдруг она пошла в алтарь, а из-под купола громовым эхом: «Змея! Ты куда прёшь!? Или не понимаешь, что бабам туда хода нет?». Отец Павел не мог позволить, чтобы в его присутствии женщина вошла в алтарь. Конечно, дама очень и очень перепугалась, страх и перенесённый позор за «змею» и «бабу» она никак перенести не могла. Дождалась, когда батюшка спустится вниз и официальным тоном ему объявила: «Хватит! Натерпелись, завтра же ко мне в кабинет,

будем оформлять дело на Вас и ставить вопрос о вашем удалении из Хорошилово. Вы не батюшка, а антисоветчик и нарушитель советских законов!» Ясное дело, что вопрос о нём был предрешён, и печальный отец Павел к назначенному часу поехал в Старый Оскол на расправу. Потом батюшка меня поучал: «Знай и запомни, отец Евгений, что не всегда всё решает высокое руководство – зачастую всё зависит от «маленьких людей». И далее: «Приезжаю, сижу в приёмной, жду вызова. И вдруг ко мне подходит одна моя прихожанка. Спрашивает, чего это я тут делаю? Объясняю ей, а она мне и говорит: «Я здесь уборщицей работаю, сейчас же к вашей «змее» зайду, вроде бы пыль вытирать и сделаю так, что Вам ничего не будет. Чтобы Вы знали – тётка она трусоватая, и боится, когда сор выносится из избы. Я у неё спрошу: «А чего это Вы батюшку вызвали? Смотрите, как бы беды вам не набраться! Он же шутоломный, контуженный на фронте. У него действия не предсказуемые – может и окошки начать бить, и в истерике в вашем кабинете забиться. Да мало ли чего от него можно ожидать?!» И пошла она со своей шваброй в кабинет. Вызывают меня. Захожу. А начальница так вежливо – вежливо: «Ой, отец Павел, как мы рады, что Вы нас посетили, я хотела поинтересоваться, не нуждаетесь ли в какой по-мощи? Как Ваше здоровье?» А я-то и слова лишнего боюсь сказать. Только и вымолвил, что, мол, контузия иногда дает знать о себе.

Талантливый художник Алексей Бирюков, отец Павел, Нюра Анисимова (схимонахиня Иоанна)

А так – всё в порядке. Так она меня до дверей проводила, обещала посодействовать с путёвочкой в санаторий. Больше она ко мне не заявлялась и никого следить за мной не подсылала. Так что у нас тут, брат Евгений, с Божьей помощью всё полезное получилось».

«Батюшку окружали одни противоположности. Тишайшая и добрейшая Нюра, властная и суровая Марфа, художник Алексей Бирюков, любивший приврать и приукрасить, за что получил прозвище «Лгун», имеющий склонность приложиться к рюмке… Все они были очень разные, но, благодаря батюшке, создался потрясающего единения коллектив. Вот что значит жить в Боге! Художнику Алексею батюшка строго – настрого запретил писать иконы в нетрезвом виде. Священник Валерий Клинов вспоминает, что как-то приехал к отцу Павлу, а он показал ему только что написанную икону преподобного Парфения, епископа Лампсакийского, и спросил: «Какой тут недостаток?» Отец

Валерий ответил: «Да глаза у него какие-то не такие». А батюшка сказал: «Ну, что я говорил?! Лгун, иди-ка сюда! И ты мне ещё говоришь, что – ни грамма»?!» И тут же Алёша повинился – был грех, и безропотно взялся переписывать образ.

Когда работа по росписи храма была завершена, Алексей уехал домой. Прошло около месяца, и батюшка вдруг сказал: «Что-то я без Алёши заскучал…» Взял и поехал к нему в Таврово. Зашел батюшка в дом, а Алексей лежит на лавке под образами. Отец Павел его и отпел, и похоронил.

Когда батюшка заболел и уехал в Воронеж, Марфа долгое время безутешно плакала и всем говорила: «Повидала я на своём веку много батюшек, но лучше, чем наш отец Павел, не было, и не могло быть, как же я его любила и уважала. Теперь наш приход не скоро дождётся того рассвета, который был при нём». Приедешь к нему, начнёшь жаловаться, а он: «Не ко мне, не ко мне, а чаще к Богородице обращайся – Она нам всем во всём помощница. Ты стань перед иконой «Скоропослушница» и помолись – обязательно услышан будешь».

Батюшка сам сделал в храме новые деревянные полы, покрыл их линолеумом, заменил кровлю. Рядом с храмом батюшка построил два дома – простых с виду, но довольно больших. Один из них – дом священника, довольно просторный, с классом воскресной школы, трапезной и обширными хозяйственными помещениями. Другой большой дом отец Павел начал строить во времена Филаретовского раскола на Украине в начале 90-х годов прошлого века, который должен был послужить убежищем для монахинь одного из киевских монастырей. Эта была непосильная задача, с которой отец Павел справился только благодаря своему исключительно твёрдому характеру. У него не было подрядчика, только временные помощники, и рабочих рук не хватало. Батюшка сам закупал стройматериалы, сам пилил, строгал, делал резьбу, ковал, в одиночку ставил стропила, обвязывался верёвкой и один без всякой страховки взбирался на купол храма укрепить кровлю. Он обвязывал тесины верёвкой, поднимал их один на леса, делал кирпичную кладку. В одном из писем к своей духовной дочери Тамаре он писал: «…В отношении нашей стройки. Она у нас почти не движется. Работало нас трое, потом стало двое, и теперь я остался один. У пенсионеров заболели супруги, и они отлучились от нас. Только-только заложили фундамент. Всё лето, почти три месяца, мы его строили. Работы так много, много впереди, и я ума не приложу, как всё это будет. Сейчас я впал в отчаяние и уныние. Что мне делать? Я остался один. Хоть бы нам выложить стены. Кирпич лежит под открытым небом, и если сложить стены, то где подсобные рабочие? – их нет.

Придётся мне самому всё это подносить. Я уже не говорю, чтоб построить в этом году. Я рассчитываю эту стройку на три года. Я очень, очень устаю от работы. Хожу весь замаранный, грязный. И так каждый день».

Мама за него очень переживала. Поздней осенью, когда уже начались дожди, дом, который строил батюшка, стоял без крыши. Нина Федоровна молилась: «Господи, помоги ему. Пошли ему рабочих, ведь он замучился». И Вдруг однажды перед рассветом она совершенно отчётливо услышала стук молотков – так, как будто кроют крышу, и поняла, что Господь услышал её молитву. Действительно, батюшка в эти дни покрыл крышей дом.

На день – два, не больше, приезжал отец Павел домой в Воронеж, где постоянно жили его мать и две сестры. «Они всех, кто бы к ним ни приходил, кормили и привечали. Близкие ли это люди, знакомые или знакомые знакомых – всем находилось место за столом. И какая у них всегда была вкусная еда – даже постом» – вспоминает Тамара Александровна Пегарькова, духовная дочь отца Павла.

С великой охотой его духовные чада приезжали к нему в Хорошилово. Работать вместе с батюшкой было для них лучшей жизненной школой. Постепенно отец Павел создал настоящую православную общину, и, если бы его не парализовало, то Хорошилово обрело бы всероссийскую известность как особый духовный центр. На своих плечах он доставлял из Воронежа в Хорошилово краску, гвозди, книги, свечи для продажи в церкви. При этом цены в его храме назначались очень и очень умеренные, он отменил тарелочно-кружечный сбор, хотя в небогатом приходе денег на строительство всегда не хватало. Часто по утрам его подушка была мокрой от слёз – так скорбела его душа о том, что не справляется он с тем, к чему Господом приставлен – в храме всё никак не завершится ремонт. Конечно, батюшке помогали его духовные дети и многочисленные знакомые, которые высылали ему почтой денежные переводы. Никогда он не бывал в санаториях и домах отдыха. Каждое лето он уезжал в Сибирь, взяв с собой Евангелие и Крест. Встречался со сбежавшими из тюрем уголовниками, поселенцами, нефтяниками, геологоразведчиками. Отец Павел их исповедовал и крестил.

Денег за требы батюшка с них не брал, оставляя им адрес храма: «Если хотите мне помочь, то любую посильную для вас сумму можете выслать». По возвращению в Хорошилово его ждало множество почтовых переводов от благодарных людей, обращенных ко Христу – это была их жертва на храм Божий. Когда же уполномоченный по делам религии спрашивал, откуда у отца Павла деньги на ремонт храма, батюшка показывал почтовые

переводы со всех концов Советского Союза.

В отпуске отец Павел посещал своего друга по семинарии, отца Сергия, который служил в городе Новокузнецке Кемеровской области. Худенький, в стареньком подряснике, он, человек семейный, постоянно отстраивал и ремонтировал храмы. Вспоминая своего друга, батюшка называл его подвижником и рассказывал, что отец Сергий восстановил восемнадцать храмов. Ездил отец Павел и в Москву, посещал Троице-Сергиеву Лавру, заходил к игумену Виссариону (Остапенко), с ним они вместе учились в семинарии. Из Москвы батюшка привозил много печатной продукции и раздавал её своим духовным чадам, которые согревались от батюшкиной душевной теплоты и щедрости. Денег за книги и календари он никогда ни с кого не брал. К православным и мирским праздникам отец Павел посылал своим духовным чадам множество поздравлений и открыток, часть их сохранилась, география у них обширна – со всех уголков страны.

На первых порах в Хорошилово часто приезжал отец Власий (схиархимандрит Макарий (Болотов), † 26.05.2001), который служил в Ячейке, а потом в Бурдино, неподалёку от Ожоги Липецкой области, рядом с отцом Валерием (схиархимандрит Серафим (Мирчук), † 11.01.2005). Все они были в единой молитве, помогали батюшке деньгами. Отец Власий приезжал к батюшке помочь по хозяйству: пилил, тесал, копал землю. Бывал отец Павел у архимандрита Серафима (Тяпочкина) в селе Ракитное. Обычно, после встреч с отцом Серафимом или после получения от него письма, отец Павел несколько дней ходил радостным. Как ребенок, он делился со всеми теми советами, которые получал от старца Серафима, его письма батюшка часто давал на прочтение своим духовным чадам для наставления.

Часто бывал отец Павел в Мордово Тамбовской области, где жили мудрейшие старицы – схимонахиня Антония (Овечкина, † 22.08.1972), схимонахиня Филарета (Фурцева, † 13.01.2012), схимонахиня Евстратия (Фурцева, † 11.02.2008). Мать Антония не могла ходить, ее возили на колясочке. Она имела особый дар от Бога – помогать людям, имеющим тяжелые духовные недуги. Ее мудрыми советами часто пользовался и батюшка.

Протоиерей Павел за работой над проповедью

Отец Павел в гостях у отца Сергия из Новокузнецка, который восстановил 18 храмов

«Однажды отец Павел приехал к нам в Мордово, и я вспомнила, что у меня от батюшки Митрофана (Мякинина) осталась монашеская мантия, – вспоминала схимонахиня Евстратия, – я и говорю: «Отец Павел, забери». Он – ни в какую! Уже ушёл. Меня что-то толкнуло – побежала за ним. Он остановился у колодца, обернулся, и сказал: «Видно от судьбы не уйдёшь, слишком долго я раздумываю, а годы идут, идут… Забираю! Пригодится!» По благословению батюшки, отец Власий совершил тайный постриг Анны Анисимовой в иночество с именем «Кира» и все двадцать семь лет мало кто знал, что она монахиня. Отец Павел это очень ценил и говорил: «Монашество не только в смене имени и ношении новых одежд, а в поведении. Надо стараться как можно больше доброго делать не на показ, а тайно». Анна Анисимова не раз спасала батюшку. Однажды сельсоветскими работниками было сделано всё, чтобы изгнать отца Павла из села Хорошилово, основной «компромат» на батюшку подготовил мужчина по прозвищу «Писарёк». Анна пошла к нему и так поговорила, так обрисовала сцены Божьей кары, которые тот получит за содеянный грех, что тот тайком пришёл к отцу Павлу ночью и во всём покаялся. Потом они стали друзьями. Больше в Хорошилово местная власть батюшку не тревожила.

Был и такой случай. Вызвали однажды отца Павла в район. Анна, почуяв неладное, поехала в райисполком и

поинтересовалась, по какому вопросу требуют священника? Сообщила, что он законопослушный, но на данный момент в отъезде, и она очень беспокоится, как бы не было неприятностей. В райисполкоме с Анной говорили очень строго и выдали много негативной информации о деяниях батюшки, стали уговаривать ее помочь властям избавиться от «растлителя душ советских граждан». Анна со смирением выслушала, потом встала со стула, перекрестилась, и пошла в «наступление»: «Да как же вам не стыдно!? Наш батюшка для вас это место руководящее завоевал. Израненый, контуженый, горя хлебнул! Святой человек, а вы на него такую напраслину!» В райисполкоме выслушали, помолчали. Секретарь райкома извинился и сказал, чтобы она как приедет, передала батюшке поклон и успокоила его: никаких претензий у властей к священнику Павлу не было и нет. Они поняли, что получили ложную информацию.

Схимонахиня Иоанна вспоминает: «К нам в Хорошилово часто наведывалась моя сестра Ольга с детьми. Как-то пришла, а у неё сережки в ушах! Я ахнула, а батюшка и виду не подал. Только за обедом, как бы невзначай, спросил: «Оля, а зачем ты эти колёса нацепила?» Та стала объяснять, что ей знающие люди сказали: «Прокол в ушах влияет на улучшение зрения». Батюшка воскликнул: «А я-то думал, что уши для того, чтобы ими слушать…» Сестра матушки Иоанны стала извиняться, просила прощения. Как же потом батюшка переживал – считал, что обидел Ольгу. Пришла она в другой раз, а отец Павел спросил: «Оленька, а где мои любимые колёса? Ты зря – мне они так понравились…» С той поры Ольга серёжки не одевала, да и косметикой перестала пользоваться.

У отца Павла в голосе и в манере говорить была какая-то особая интонация, по которой человек уже понимал, что такое хорошо, а что такое плохо.

Священник Казанского храма города Козельска (близ Оптиной пустыни) отец Валерий Клинов вспоминает: «Отец Павел как бы вывел меня в море, в котором без страха, с великой радостью я учился плавать. Тридцать шесть лет моей дружбы с батюшкой просто сотворили мою жизнь так, что главным в ней стало служение Господу и людям. С отцом Павлом меня познакомил Николай, с которым мы дружили с пятнадцатилетнего возраста. Вместе зачитывались Достоевским, Пушкиным, потом разными философиями – искали смысл в жизни. Однажды Коля предложил: „Давай я тебя с очень хорошим батюшкой познакомлю“. Далек я был тогда от начального представления о храме, церковной службе. Но ради друга решил сходить в церковь. Кривить душой не буду – с невероятным

трудом выстоял непонятную долгую службу: ныли спина, ноги, гудело в голове. Но когда подошёл к нам батюшка – б удто рукой всё сняло. Отец Павел рослый, более метра восьмидесяти в нём было, красивый, а взгляд – ребенок, да и только. Начал говорить – сразу расположил к себе. Я посетовал, что ничего из службы не понял. Даже, кажется, сказал, что это дело избранных – посещать церковь. Он тут же пригласил к себе домой – обещал подыскать литературу. С каким же упоением я читал книгу Феофана Затворника, которую предложил мне батюшка! Никакие философы с их образом мышления с духовным наследием святителя Феофана Вышенского в сравнение не шли!

Протоиеоей Валерий Клинов с матушкой Тамарой у могилы иеросхимонаха Нифонта (Санталова) в Задонском Рождество-Богородицком мужском монастыре

С того посещения, я от батюшки – ни на шаг. Свет увидел, ясно понял, ради чего мы живём на этой земле… Потом в этот дом за книгами приходил, даже когда отца Павла дома не было –

его мама, сёстры всегда радушно встречали. Свидетелем каких мудрых бесед я был! А когда получил „Евангелие“, то долго эту книгу не мог выпустить из рук. Я её всю переписал».

«Надо об иеросхимонахе Нифонте, – продолжает размышлять отец Валерий Клинов, – собирать сведения, не спеша, по крупицам. Открыт он был ко всем, но с великой тайной о себе. Я бы так сказал: «Как икону пишут, так надо и об отце Нифонте писать. И скупо сказать и ничего не упустить, и чтобы люди понимали – на этого раба Божиего молиться надо. Брать с него пример великой духовной жизни, которая не бросалась в глаза. В храме, где служил батюшка, всегда было холодно, но его это ничуть не смущало – вечно радовался. Приеду, он расставит руки для объятий, а я от него подальше. Мол, я простуженный – и вас, батюшка, заразить могу. Никаких зараз он не боялся! Искренне облобызает тебя, и сразу становится благостно и уютно на душе – есть человек, которому ты очень нужен…».

В Христорождественском храме села Лесное Уколово, куда направили служить отца Валерия, отец Павел однажды пришёл в умиление и сказал, что более благодатного храма не встречал. Усердно он молился и пел тропари перед каждой иконой, а они там древнейшие, афонского письма. Засвидетельствованы были случаи исцеления по молитве перед этими иконами. Сам храм Рождества Христова был тогда в хорошем состоянии, просто чудо для тех времен.

Когда отец Валерий стал служить в Оскольце, что неподалёку от Старого Оскола, первым к нему приехал отец Павел. Всё обошёл, просмотрел, и стал давать не только дельные советы, но и многое взял на себя: «Это я сам для тебя сделаю, это знаю, где в Воронеже заказать». В те времена что-то заказать для храма было настоящей проблемой, а отец Павел подружился с руководством какого-то мебельного комбината и на подставные лица заказывал «тумбочки», «диваны», а ему на самом деле делали ему аналой, оборудование для свечной лавки. С помощью отца Павла храм в Оскольце преобразился.

Отец Валерий часто устраивал на своей машине совместные путешествия, заезжал к отцу Павлу, а тот вечно ругался, что не вовремя, что у него дел невпроворот, а они, бездельники, его отвлекают. Но завершалось это всегда с такой отеческой любовью, иногда удавалось уговорить отца Павла съездить в лес, на речку. Брали с собой еду, жгли костёр. «Как он умел рассказывать! – вспоминает матушка Тамара Клинова, – жаль, что мы эти рассказы не записывали. Хотя их и невозможно было записать – всё теряется без особого голоса, особой неповторимой интонации батюшки. Запомнилось, как он в дома инвалидов ездил. Опять же

ездил туда тайно, и его старики не выдавали. Вот одна история с незрячим стариком. Отец Павел исповедовал его, причастил, а он: «Батюшка, дай денежку!» – «Зачем тебе?» – «Сальца очень хочу».

Батюшка рассказывал об этом и рыдал. Он в эти дома инвалидов как на крыльях летел – привозил с собой фрукты, сладости, продукты. Жизнь какой-то хорошей, ласковой казалась, когда был жив отец Павел. Себя батюшка не жалел, не имел понятия о хорошем питании. Ему в Хорошилово готовила Анна (схимонахиня Иоанна), так он её не слушал. Она вспоминала, что батюшка всегда питался просто, не понимал, что такое «первое», «второе». Есть щи – одних щей похлебает, а уж кашу не будет, и не уговаривай. Подашь первой кашу – значит, о щах не заикайся. Но чаще всего питался всухомятку, сухарики очень любил, шутил: «В тюрьме вся жизнь на сухарях. Посадят, а нас ничем и не устрашишь – мы и на воле сухарями привычные спасаться». Запрещал батюшка тратить время на кулинарные излишества – экономил время на ведение строительства, росписи храма. Давно он жаловался на «нелады» с желудком. Мы старались к нему почаще приезжать, привозить домашнюю еду. Ворчал он, но потом благодарил: «Матушка Тамара, а вы с отцом Валерием правы. Как у вас погощу или как вы у меня в гостях со своими харчами побываете, у меня все болезни желудка прекращаются. Может, и правда, надо правильно питаться». Он добросовестно записывал рецепты супов, приготовления различных соков. Разумеется, ничего этого отец Павел не делал. Сразу же забывал о том, что о себе надо заботиться. Когда отца Валерия перевели в Казанский храм Козельска, отец Павел уже навещать его не мог. Но они несколько раз встречались неожиданно на службе в Печорах, Москве, Петербурге. Собирался отец Павел попасть в Оптину пустынь, но так и не собрался. В последние годы его одолели болезни, после которых с особым рвением брался за работу – спешил успеть больше».

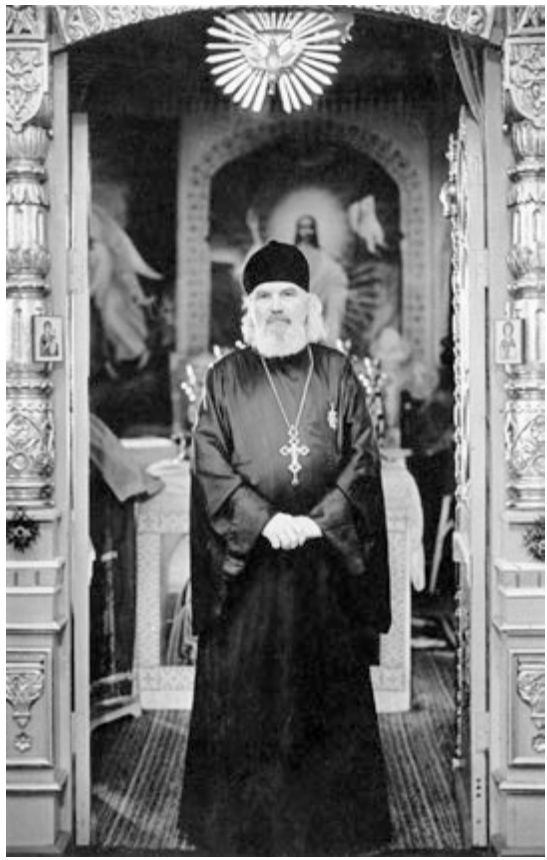
Есть закон духовного опыта: если благодать дается в начале жизни, то её можно потерять. Зачастую, потерянное не обретается вновь. Великое спасение, когда эта благодать обретается в конце жизни. «То, что отец Павел стал благодатным, – говорит священник Валерий, – мы как-то и не заметили. Только в последние дни вдруг ощутили, какой великой духовной силы человек жил рядом. Думаю, что всё сполна он получил. И будет ещё получать после смерти. К сожалению, наша семья в последние годы его жизни была вдалеке от батюшки и, когда после похорон я встретился с Наташей, соседкой отца Нифонта, то от неё услышал: «Я каждый день жила тем, что увижу его». Ей и многим другим было дано более великое счастье, чем нам: они

знали батюшку как благодатного старца. Мы же настоящую цену батюшке не знали. Первыми по-настоящему сокрытую благодать ощутили мои дети».

Как любили отца Павла дети семьи Клиновых! Они радовались его службе, любили, как он её вел. Странно, но они никогда в храме Димитрия Солунского не мёрзли – согревались любовью батюшки. Он часто приезжал к ним и читал детишкам стихи, пел с ними песни, играл как ребенок, был настоящим другом детей. Великим счастьем для деток отца Валерия было получение открыток от батюшки Павла. Все поздравления он писал в стихах с юмором, с детской наивностью. Дочь отца Валерия, Серафима, еще не умела читать: брала открытку и долго, долго её рассматривала. Потом подходила к Коле и просила: «Почитай». Коля читал, но через полчаса она снова шла к нему: «Почитай! «Да я же тебе читал недавно». «Читай ещё – мне нравится слушать, что батюшка Павел нам пишет». И эта радость с открыткой обычно не прекращалась недели две.

Отец Валерий уверен, что его сын Николай стал священником благодаря духовному руководству протоиерея Павла Санталова. Видно, по молитвам батюшки он служит в Свято-Покровском женском монастыре Москвы, где покоятся мощи святой Матронушки. Он всегда помнит и помнил об отце Павле, стремился при всяком удобном случае доставить батюшке радость – передавал ему от Матронушки просфоры, лепестки цветов, святую воду. Этими святынями отец Павел щедро делился с приходившими к нему людьми. «Если бы он хоть немного заботился о своём здоровье, то жил бы лет сто. Организм у него был могучий, сила – немереная, – считает отец Валерий, – в Евангелии от Матфея сказано: «Так будут последние первыми, а первые последними». Разве кто-то из близкого окружения признавал батюшку первым? Обычный священник, обычный человек, над которым обычно и подшучивали, свысока судили о его «бесполезных хлопотах, о его чудачествах». Порою, когда бывали у старца Алексея Фёдоровича в Старом Осколе, он часто центром своих далеко нелицеприятных шуток делал отца Павла. Лишь со временем я задумался о том, почему Алёша и его мама стремились всегда к тому, чтобы их исповедовал и причащал батюшка из Хорошилово? Ревностный, деятельный, он как бы прятался от мира. По воле Божией его спасало Хорошилово, молитва и труд в этом селе. Мы к нему приезжали не для того, чтобы искать каких-то духовных дарований – с ним просто было по-человечески хорошо, спокойно. Он просто мог как-то так утешить, что и не подумаешь, что это утешение от священника. Ему было даровано умение любить. К нему приезжали молодые

священники, и отец Павел вёл себя как равный по возрасту. Мало того, батюшка иной раз у молодого мог спросить совета».



Отец Павел в алтаре храма Димитрия Солунского в с. Хорошилово

В Хорошилово рядом с храмом находится колхозный ток, с которого ребятишки часто воровали зерно. Батюшка с ними неоднократно проводил беседы, что этого делать не следует. Однажды он чинил крышу над церковью и увидел, как дети нагребают зерно в мешки, а по селу шел милиционер с дружинниками – совершали рейд по сохранности урожая. Конечно, ребятишек они должны были застать на месте преступления. Батюшка после рассказывал: «Жалко мне не их стало, а их родителей. Опозорят, штраф выпишут. А люди-то и без того живут безденежно, и эти ребята воруют не от хорошей жизни. Не кричать же мне, священнику, с крыши: мол, ребята, убегайте! Я тогда – на колени, и стал молиться о них. И вижу: участники рейда подходят к воротам тока, а ребятишки в этот же момент спокойно вылезают с мешками через дырку в изгороди.

Так синхронно получилось, как по расписанию – одни заходят, а другие в этот же момент скрываются из поля их видимости». Потом он встретил тех ребятишек и сокрушался, что из-за них взял грех на душу.

У батюшки имелось великое множество акафистов (около двухсот), большинство было написано им от руки в те годы, когда печатание религиозной литературы было запрещено. Акафисты не лежали у отца Павла «мёртвым грузом», он постоянно их читал, причём в храме, соборно. Батюшка отмечал в тетради, какие акафисты и когда были прочитаны.

Живя в Хорошилово, отец Павел вёл обширную переписку, часто отвечая своим духовным чадам в стихотворной форме.

Однажды у одной прихожанки случилось горе. Помимо слов утешения батюшка написал ей вот эти стихи:

«Вот, ты осталася вдовой,
Друга лишившись близкого, родного.
Умываешься слезой…
Но не печалуйся – все дано от Бога.
Все трудности твои теперь иного изложения:
Как детишек воспитать,
Чтоб в них родителей было лучшее отражение
Как им это сокровище стяжать?
И радостно будет и будет светло,
Если будут Бога в сердце держать
И если сами только тепло
Будут другим излучать…»

Своим духовным чадам, а их было немало, батюшка дарил настенные календари, книги, иконы, репродукции икон, картины, молитвословы с крупным шрифтом для бабушек с плохим зрением. Если это были медицинские работники, то отец Павел покупал для них «Справочник фельдшера», «Справочник медсестры», Медицинскую энциклопедию. Мало кто из духовных чад знал батюшкин день Ангела – 1 9 ноября, когда празднуется память священномученика Павла, патриарха Константинопольского. Не любил отец Павел поздравлений, величаний, славословий и здравиц в свой адрес.

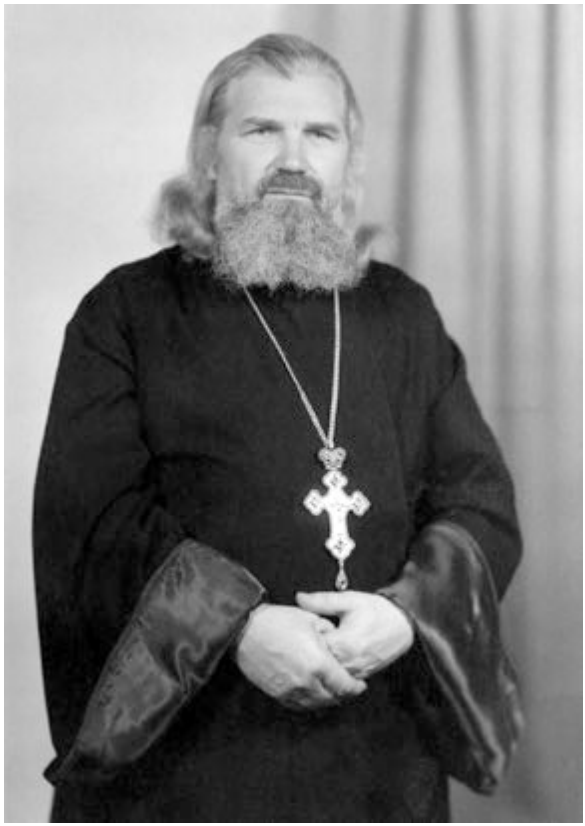
За усердное служение Богу и людям протоиерей Павел Санталов был удостоин многих церковных наград: 4 мая 1981 года Патриархом Московским и всея Руси Пименом протоиерей Павел Санталов был награжден крестом с украшением, 23 апреля 1986 года – орденом преподобного Сергия Радонежского III степени, а также юбилейными правительственными медалями в

связи с годовщинами окончания Великой Отечественной Войны.

Когда отца Павла наградили митрой, был праздник, и по этому случаю у духовенства состоялся обед. Пригласили и батюшку, смотрят, – а его на обеде и нет.

– Как же так? Где отец Павел?!

А он сбежал с этого обеда. «Там, – говорил отец Павел, все батюшки с матушками, а у меня и одеть-то ничего нет приличного. Да и к чему весь этот шум?»



Митрофорный протоиерей Павел (Санталов)

Если у батюшки собиралась «какая-то копеечка», по его выражению, то он определял её на ремонт храма или на строительство церковных домов.

Отец Павел записывал в тетради денежные расходы на хозяйственные и другие нужды, имена и адреса жертвователей. В той же тетради он вёл ежедневные записи о том, какие он службы совершал, много ли на них присутствовало людей, сколько было причастников, количество проданных просфор. Кое-где он делал заметки о погоде. На одном из листков написано: «Неделя первая Великого поста. Разлив воды. Людей – один человек во все дни».

Это март 1983 года. 9 мая, на день священномученика Василия, в храме было 125 человек, а на Святую Троицу – 155. В 1993 году батюшка сделал стихотворную запись:

«О бедный, бедный мой ты храм!
Холод в тебе обитает,
если б начальник посетил тебя сам…
Рука перста для креста не сгибает…
… Непонятливы вы, что в мире –
Вокруг суета и суета.
Живём – мишенью в тире.
Стреляют – и мы в могиле.
Пьём полную чашу греха…»

Письмо от матушки Михаилы к Эдуарду Ефремову, автору книги «Ходим по дорогам святых»: «…Мы с Павлом из той среды, из того поколения, которое воспитано в Православии с детства нашими глубоко верующими родителями. Нелёгкое было время. Люди из-за страха перед воинствующими атеистами выбрасывали ценнейшую духовную литературу. Я ходила по мусорным свалкам и собирала мешками эти книги, читала, распространяла их среди людей… Духовный путь человека начинается с того, когда душа начинает вопить, стенать. Когда отец Павел окончил духовную академию, я поняла, что он великий подвижник. Отец Павел принял Крест, который пронёс достойно по жизни. Как говорил св. Иоанн Златоуст, Крест есть ключ от Рая. Отец Павел строил, украшал храмы во время великой смуты, гонения на Церковь. В то, что он один так преобразил храм в Хорошилово, маловерные не верят. Он, подобно святому старцу Серафиму, зимой и летом ходил в старомодном прорезиненном плаще с вещмешком за плечами, в котором были инструменты, гвозди. Безо всякого надзора и ухода была хатёнка, в которой он жил. Он не позволял в ней сделать даже минимального ремонта – всё делалось только для церкви, прихода. Так на земле живут только святые старцы. В пору гонений на монастыри он начал строить общежитейский дом, где собирался приютить изгнанных монахов. Рядом с ним царили мир и спокойствие, тихая молчаливая радость. Характером батюшка был строгим, он упорствовал в достижении поставленной цели. После посещения Хорошилово я была у своего духовного отца архимандрита Кирилла (Павлова). Рассказала ему об увиденном. Просила его святых молитв о хорошиловском настоятеле. Мой духовный отец сказал, что к смерти отец Павел достигнет духовного совершенства».

Схимонахиня Михаила (Горкина) в своей келье во Флоровском монастыре, г. Киев

Мария Тимофеевна Дьячкова из Тишанки Таловского района Воронежской области познакомилась с отцом Павлом Санталовым в Ячейке, где служил схиигумен Митрофан (Мякинин). Вот что она вспоминает: «Отец Павел был очень внимательным, и всегда от него всем была какая-нибудь польза. Он узнал, что я в Воронеж приезжаю за всяким церковным товаром, сразу предложил – можно останавливаться у его сестёр. Таким образом, в Воронеже я обрела ещё один родной дом – было и где переночевать, и оставить на время разные покупки. Если случалось, что в это время из Хорошилова приезжал отец Павел, то обязательно от него получала полезные советы по обустройству нашего храма».

Тамара Александровна Пегарькова вспоминает: «Бывало, приеду уставшая, измученная, а побеседую с батюшкой, с его мамой, матушкой Ниной, посижу в благодатной и уютной атмосфере и отогреюсь душой, успокоюсь. Поделишься с батюшкой – и многое из-за чего переживала, волновалась, покажется неважным, несущественным, пустяковым. А со стен на тебя смотрят картины на евангельские, библейские сюжеты, иконы, которые в молодости искусно убирал отец Павел. А сколько у батюшки в доме перебывало людей! Среди них архимандрит Иоанн из Боброва, проникновенно читающий и поющий акафисты, «большой человек» – так звал отец Павел очень набожного Мишу-карлика – прекрасного собеседника. «Дух в жилетке» – это маленькая, горбатенькая, худенькая, одетая в

стёганую жилетку женщина. Но дух у неё действительно оказался сильный, она рассказывала о своих горестях, неприятностях, скорбях, связанных с детьми, о том, как сама колет дрова, – и мы удивлялись, как она справляется с такой трудной работой. Батюшка очень любил детей. Он очень обрадовался, когда я ему сказала, что буду преподавать в Воскресной школе в родном селе Садовое. Он сразу же стал помогать книгами, различными наглядными пособиями». [7, 104–105]

Отец Павел радовался, что в последнее время выпускается много духовно-нравственной литературы, с удовольствием её распространял. Когда журналистка газеты «Путь Октября» Н. Богданович спросила у батюшки [27, 1. 4–5]: «Что бы Вам сейчас особенно хотелось вернуть в людские души?», он ответил:

«Десять заповедей Закона Божьего. Причём независимо от того, верующий человек или нет. Ну, скажите, разве не высокие нравственные начала положены в основу таких заповедей, как почитай отца твоего и мать, чтобы продлились дни твои на земле; не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».

о. Павел в храме вмч. Димитрия Солунского, с.

Хорошилово

«Отец Павел, а для чего живёт человек?» – продолжила Н. Богданович.

«Настоящий христианин для того, чтобы подготовить себя к будущей вечной жизни. На земле для него время сеяния, а жатва будет потом. Что посеет он здесь, то там пожнёт, надо спешить делать добро, оставить после себя что-то другим».

В 90-е годы отношение государства и церкви изменились. Батюшке начали помогать местные организации, в основном стройматериалами. Однако здоровье отца Павла стало ухудшаться: всё чаще он обращался к врачам. Батюшка боялся уколов, боялся лечить зубы, с операцией тянул целых 12 лет. Но уж если он попадал в больницу, то как-то быстро в ней адаптировался, полностью доверялся врачам и по-детски верил, что если он на сей раз полежит подольше, то его обязательно вылечат. Люди узнавали о его болезнях, и в этот момент было особенно много писем и открыток, в которых люди сообщали, что молятся о своем любимом батюшке. Присылали различные рецепты, советы как лечить ту или иную болезнь.

Повреждённый в войну зрительный нерв у батюшки частично атрофировался и привёл его к почти полной слепоте. После операции на глазах, которую сделали отцу Павлу в Тамбове, он вернулся на приход, но выдержал только три месяца и опять взялся за тяжёлую работу. Зрение резко ухудшилось, очки уже не помогали. Развился сахарный диабет.

Матушка Михаила (Горкина) писала батюшке из Киева: «… Переживаю за Ваш диабет. Это – опасная болезнь. Надо обратить внимание на режим, строгость в питании… Возраст и непомерный труд истощают Ваши силы, здоровье. Хотя бы теперь ведите относительно нормальный образ жизни. И ты, наш многоболезненный, многотерпеливый батюшка, отдохни ото всех непосильных трудов. Скажи сам себе такие слова: «Хватит тебе, отец Павел, возводить новые строения, хватит…»

Глава 10. Болезнь. На покое. Старческое служение людям

«Но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совершается в немощи. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.

Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа; ибо когда я немощен, тогда силен».

2 Кор. 12:9–10

Вскоре батюшка Павел перенёс инсульт, затем сложную операцию. «Когда я подошла, чтобы сделать ему перевязку, то сразу поняла – человек передо мною какой-то необычный. Процедура болезненная, а он улыбается, меня утешает – будто я страдания терплю, а не он. Вежливый, обходительный. Поначалу думала, что это какой-то большой учёный и писатель. Потом узнала, что этот человек так далёк от мирских пациентов, потому что он священник, священник не простой, а какой-то высшей духовности. Всегда всем доволен. Вот тогда я поняла смысл того, что такое есть смирение и послушание. Я в нём видела одновременно и ребёнка и мудреца. Он был очень благодарным человеком. Часто заходил в больницу, как он говорил, «просто попроведовать», вручить какой-нибудь гостинчик, сувенир, святыньку. Ему как-то все стали друзьями, близкими», – вспоминает медсестра Марчукова.

На покое в своем доме в Воронеже (1998 год)

В связи с невозможностью по состоянию здоровья совершать Богослужения указом епископа Белгородского и Старооскольского Иоанна (№ 77 от 8 августа 1997 года) протоиерей Павел Санталов был освобожден от должности настоятеля Дмитриевского храма села Хорошилово и выведен за штат. Живя в Воронеже, батюшка поначалу в Акатомонастырь, расположенный рядом с его домом. Он скорбел и переживал за вынужденно оставленный храм Димитрия Солунского, в котором прослужил 27 лет, по прихожанам, с которыми сроднился и полюбил как своих детей. Его духовные чада чувствовали себя осиротевшими, молились о нем и писали ему многочисленные письма:

«…Батюшка, поправляйтесь и приезжайте в Хорошилово. Мы Вас ждем. Вам сделали операцию, после которой, поверьте, Вам будет лучше – одной болячкой меньше. Вы еще будете долго жить и служить в Хорошилово. Я это точно знаю. Вспоминаю, как мы с Вами ездили в Рыльск. Охота еще побывать в том монастыре. Отец Павел, не паникуйте – б удем жить до тех пор, пока нас Господь не призовет. Я буду встречать Вас, когда приедете. Мне надо Вас повидать и о многом поговорить. Валера».

«Добрый день, дорогой наш отец Павел! Простите, если что не так напишу. За Ваше письмо спасибо. Спасибо, что не забываете. Получила и так обрадовалась: значит, думаю, отцу Павлу стало лучше со здоровьем. А когда прочитала, огорчилась – какие трудности Вы пережили! И сейчас, какие переживаете! Но – надо смиряться со всеми болезнями, ведь уныние и скорби ещё больше усиливают болезнь. Очень Вас прошу: не внушайте себе, что всё кончено. Нет! Вы обязательно поправитесь и будете ходить в монастырь, а потом приедете к нам в Хорошилово.

Только надо на это надеяться\. …Батюшка, чтобы Вы больниц больше не знали. Дома лечитесь и отдыхайте. Монастырь рядом с Вашим домом посещайте. Главное, отец Павел, не унывайте! Люди сильнее болеют, а надежду на выздоровление не теряют. Потом живут спокойно много лет. Это мне Нюра сообщила, что Вы опять попали в больницу. Отец Павел, Вы хоть сейчас поберегите себя. Вы только одними помышлениями о том, что не сделано в храме, себя подрываете. Забыть всё и смириться со всеми трудностями и неожиданностями\. …После такой операции надо месяцев шесть упорно лечиться, не вспоминайте то, что пережили, что жизнь в тяжком труде прошла, что было, не вернёшь. Теперь думайте о другой жизни, о лучшей. Старайтесь не унывать, не огорчаться. Вам нельзя волноваться. Да и зачем так унывать, когда всё плохое позади. О Вас мы все здесь думаем. Все надеются, что вы обязательно выздоровеете и вернетесь в Хорошилово. Мы о вас молимся, особенно молились перед операцией. Нюра об этом напомнила всем близким. Отслужили обедню. Мы это сделали в разных церквях. Лично я ездила в Евдоцкий храм – там заказывала о Вашем здравии. Мои дети передают Вам привет, низкий поклон, желают быстрейшего выздоровления… Наташа».

27 мая 2005 года. Прощание с почившим иеросхимонахом Нифонтом на кладбище Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря

«…Многогрешная Марфа пишет Вам. Батюшка, как твое здоровье. У нас без тебя службы нет. И кто знает, когда она будет.

А я и не хочу ни с кем работать. Не хочу стараться по поводу того, чтобы нам дали нового батюшку. Я жду своего отца Павла».

«…Здравствуйте, отец Павел. Получили ваше письмо. Порадовались, что ходите, сами пишете. Это уже хорошо. Поплакали… Батюшки у нас пока нет. С вашим уходом мы в Хорошилово стали ничьи. Что будет дальше – неизвестно? Подаем в храмы, чтобы о здравии поминали Вас и Нюру. Как можем, стараемся Вам помочь. Крепитесь. Смиряйтесь со своим положением. Знать, такая судьба. Будь Вы здоровым, разве бы угомонились? Снова нашли бы работу – делали бы её до изнеможения. Таким уж вы родились. Хотели мы Вас забрать сюда. А тут что? Глушь. Врачей нет, помощи никакой. Так что терпения Вам огромного. Лида».

Крестный ход с Песчанской иконой Божией Матери после молебна в Алексеево-Акатовом монастыре

«Спешу ответить тебе, дорогой мой отец Павел. Слава Богу, я доволен, что ты наконец вселился в свой дом. Теперь тебе бы надо передохнуть. Очень ты много потратил сил и здоровья, да еще при таком ужасном твоём диабете. Недомогания – признак повышенного сахара и нехватки витаминов в зимний период. Держись! Отец Павел, буду рад встретить тебя у себя в Темир-Тау. Из знакомых осталось мало. В общем, при встрече поговорим подробно…Отец Власий под домашним арестом во Львове. Католики захватывают православные храмы, власть ни на что не реагирует, хотя Синод к властям обращался. Ну, с Богом! Не забывай в своих молитвах… 03.05.1990 г.»

Скуфья, четки и старинный «Правильник», подаренный отцу Павлу Санталову танеевскими старицами

Вскоре у отца Павла как следствие инсульта, развился правосторонний гемипарез. Отказали правая рука и нога, – и батюшка слёг в постель. Не будучи в силах даже перевернуться самостоятельно, он очень болезненно переживал свою беспомощность и плакал, как ребёнок. Близкие, как могли, утешали его.

«…Пока нам никого не дают. И без того много пустых приходов. Все духовные чада Алёши (старца из Старого Оскола) молятся о Вашем здравии. Мы молимся о протоиерее Павле. А Алёша сказал, чтобы молились о старце Павле\. …Батюшка, сколько у меня много всяких плодов огородных, но как передать Вам, не знаю… Дайте покой своему сердцу, не надрывайте его мыслями о «лишних постройках». Господь дал нам тяжёлые болезни – ими вы покроете недостатки в добродетелях. Надо болезни безропотно переносить и благодарить Господа за данные болезни. Не огорчайтесь, что не можете ходить в монастырь – Иисусову молитву можно и лёжа творить. Бог не оставит… Да что это я вас поучаю? Вы же всё это лучше меня знаете… Простите, отец Павел, моё учительство. Опять нет смирения. Почему к Вам шли люди? Что влекло их к простому священнику в заплатанной одежде, не обладающему особым красноречием, живущему в глухой деревушке? Почему все так привязались к Вам, полюбили Вас, почувствовали что-то, что в других не чувствовали. Говорят, что вы не такой, как все.

Да потому, что вы обладали благодатью, имели высший дар рассуждения, прозорливости. Вы, батюшка, старец. Мама прочитала ваше письмо, она очень плакала, говорила: «Как же нам предстать перед Богом, если батюшка наш так горюет,

который столько труда потратил, пота пролил для блага Церкви? А молился он как?! Проскомидия у него такая была, какой сейчас ни у кого нет. Уходят древние батюшки, им на замену приходит всё больше светских. У нас уже не будет такого батюшки, как Вы. Простите – много наглаголила. Долго не виделись, потому так и получилось. Вся наша семья по Вам очень соскучилась. Валентина».

«…Когда тебя настигнет горе,
И ты защиты не найдёшь,
И обессиленный на землю
С молитвою к Богу упадёшь.
И будешь спрашивать: За что же
Я так страдая должен жить?»
Тебе душа твоя ответит:
«К чему вопрос?
Так должно быть».
И не томись напрасной думой,
Живи и верь, что надо жить,
Создавший нас вернее знает,
Зачем всё в жизни должно быть…»

Схимонахиня Михаила (Горкина)

«…Пребывая в немощи, не отчаиваюсь, использую данное время на покаяние…»

Письмо из Киева от матушки Михаилы (02.11.2000): «Благословите, глубокочтимый наш отче Павлине! Читаю каноны святых почти полвека, и каждый раз их вижу обновлёнными. Святые – это райские цветы. У каждого из цветков есть свои особенности по виду, цвету и аромату, заложенные в него Творцом. Также и у святых. У каждого была особая судьба, свой характер, свои склонности, пережитые трудности, свой подвиг перед Богом. На знании этого основывается молитвенная практика Церкви. По молитвам нам помогает каждый святой, к какому обращаемся в нужде, беде, если будем иметь веру, заслуживать милость Божию за наше покаяние за грехи, смирение…

Танеевские монахини Ангелина, Херувима и Серафима

Серафим Саровский учил обращаться с почившими, как с живыми, как у живых просить их молитвенной помощи. Великое дело – молиться за усопших. Не столько они нуждаются в наших молитвах, сколько мы в их молитвах. По слову святых недостаточно только одной веры в Бога. Иное – веровать, а иное – знать Бога. Верующих на Земле много, а таких, которые знают Бога – очень мало. Богопознание открывает христианину двери в вечную жизнь. Если человек в отношениях с людьми проявляет сердечность исполненной Любви, смирения, кротости, доброжелательства, уступчивости, готов служить и интересы людей ставит выше своих, то это всё свидетельствует о том, что христианин находится в Духе Святом Божьем. Если по-другому, то человеком владеть начинает тёмная сила, проявляется раздражительность, злоба, дурное состояние духа. Такой христианин должен обратиться к Богу с мольбой, просить прогнать от него лукавого, который завладел им и мешает схождению к душе его благодати Святого Духа. Дух Святый есть Любовь, мир и сладость. Научает любить Бога и ближнего. Дух Святый живёт в Церкви нашей. Он учит подвигу, даёт силы исполнять заповеди Господни, наставляет на истину. Дух Святый

Сам ищет душу нашу и если не вселяется, то только из-за гордости нашего ума. По слову святых, Бог любит нас больше, чем мы сами себя любим, и заботится о нас. Он хочет завоевать наше сердце кротостью, любовью и Своей жертвой, смирением, влечёт душу к любви Своей. Но сатана сумел привить гордость огромной части человечества и развить в нём безверие, пороки самомнения, самопочитания. Это смертельные болезни души, поразившие мир. Поражая тело, Бог хочет спасти душу. Он делает так потому, что любит и не может смириться с изменой человека. Отсюда вразумление бедствиями есть, прежде всего, проявление Его любви. «Кого я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3, 12). Господь сказал: «Бог есть любовь» (Ин. 4:8). Достаточно вспомнить слово апостола Павла (Кор. 13). «И если я раздам всё имение свое и отдам тело на сожжение, а Любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (Ст. 3). Цель жизни человеческой состоит в преображении души человека. Она достигается по благодати, через покаяние, молитву, дела милосердия, пост. Так осуществляется стяжание в себе духовного сокровища, Духа Святаго Божия. Без преображения души христианина, без очищения её от страстей и без развития ещё здесь, на Земле, в душе Христовых добродетелей (Его любви, смирения, кротости, послушания…) нет у нас надежды на то, что можем войти в Царство Небесное и быть среди душ праведных. Что получает человек, достигнув этой цели? Ещё в этой жизни он находит истинное счастье, совершенную радость, мир и покой души. Очищается его сердце, проясняется ум, укрепляется воля, раскрываются все способности и силы души, и получают развитие все добродетели. Человек приобщается, каждый в своей мере, к праведности, к истинной красоте духа. Человек включается в служение высшим целям мироздания и получает высший дар – обетование бессмертной жизни с Богом в вечности на «новой земле под новым небом» (Откр. 21:1). При этом человек становится наиболее ценным членом общества, солью земли, свечой, которую ставят на подсвечнике, чтобы светила всем в доме (Мф. 5:13–15). Он становится духовно-нравственным оплотом для окружающих, утешителем, образцом для подражания. На этом пути стяжания Духа Божия человек может найти в Церкви Христовой духовных руководителей, которые могут помочь своим опытом, знаниями, сделать земной путь более прямым и коротким к цели высшего звания во Христе Иисусе. Перед нами есть образцы и теперь живущих святых. Их нам надо только познать по признакам Святаго Евангелия (любовь, смирение, кротость, горячая вера). Всё в жизни подчинить святой цели христианской. Что нужно, прежде всего,

страждущей человеческой душе? Как не искренняя любовь и участливое ободряющее сердечное отношение. Главное условие влияния на людей заключается, по слову святых, не в учёности, не в психологической тонкости, но во внутренней духовной жизни. Человек будет святить окружающим высотой своего духа, умиротворенностью души, силой веры, огнём любви, доброжелательством, как в словах, так и на деле. Кто узнал жизнь святых, познакомился с их характером, силою духа, остротою ума, чистотою сердца, красотою их добродетели, тот знает, что святость души человеческой – это бесконечный поток добра, света, истины, изливающийся через них на страждущий и грешный мир…»

Протоиерей Николай

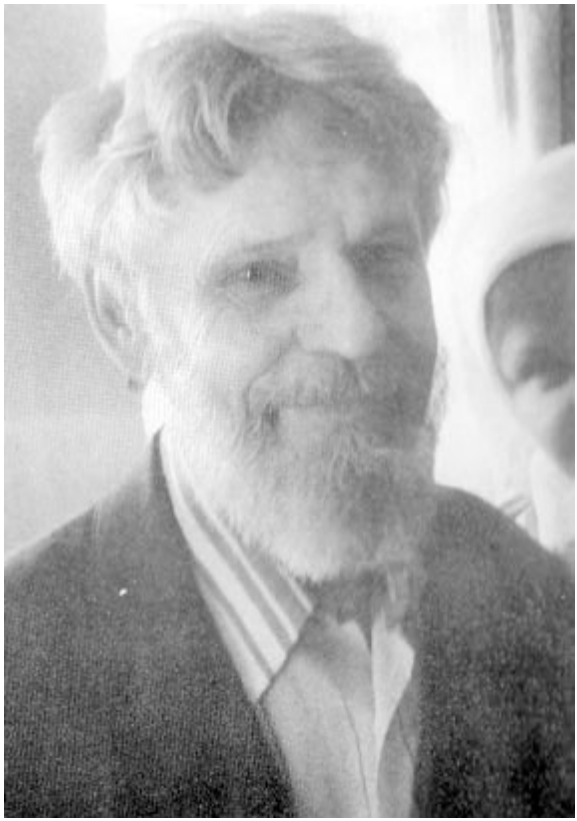
Матушка Михаила много писала отцу Павлу утешительного: «…Никто из земнородных без креста не войдёт в Царство Небесное. Милость Божия не дает креста выше его сил. И по крестоношению земному определяется наше вечное будущее. Мы земные крестоносцы. Крест на нас и в нас, а место спасения благословляет Сама Воля Божия. Потому мы молим милосердие Божие, дабы тяжесть креста не раздавила немощь нашего духа. Дабы жизнодавец Христос даровал силы, крепость взявшему крест спасительный… Небесная канцелярия ведёт счёт дней, минут

каждого из нас, наступило время Вам, отец Павел, поднять свой крест выше страданием», – и порекомендовала ему монашество. Батюшка долго не соглашался. Матушка Михаила из Киева приезжала три раза и убеждала его: «Верю в Ваше сопротивление – Вы академик, митрофорный протоиерей, и вдруг стать просто монахом. Но монах – это не звание, а подлинная жизнь в Боге». От батюшки из Воронежа схимонахиня Михаила поехала к своему духовнику – архимандриту Кириллу (Павлову), просила его святых молитв. Вернувшись в Киев, она узнала, что отец Павел 28 октября 1997 года пострижен в монашество с именем «Павлин» в честь святителя Павлина Милостивого, епископа Ноланского. Постриг совершил епископ Никон (Васин) (ныне митрополит Липецкий и Задонский). При постриге батюшка получил икону «Скоропослушница», написанную на Афоне, с этой иконой он и был погребён.

Могилка блаженной Феоктисты в некрополе Алексеево-Акатова монастыря

При жизни батюшки Павла через Воронеж проходил покаянный крестный ход с Песчанской иконой Божией Матери. После молебна в Алексеево-Акатовом монастыре, крестоходцы занесли Песчанскую икону и в дом батюшки. Со слезами он

молился перед иконой Пресвятой Богородицы Николая Овчинникова о спасении России и благословил крестный ход на дальнейший путь. Своей духовной дочери Татьяне батюшка вручил икону «Скоропослушница», с которой был пострижен в монашество, для прохождения с крестоходцами по Воронежу.



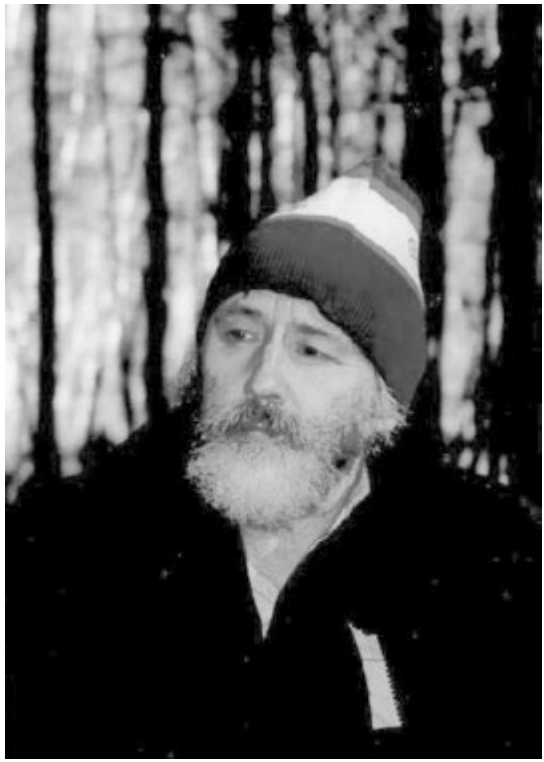
Петр Афанасьевич Никитин

Отец Павлин смирился со своей болезнью: «За грехи мои. Не всё делал как надо – Алёша (старец из Старого Оскола) предупреждал. Вот, и дана мне болезнь со скорбями во спасение, и за это надо благодарить Господа – православному страдания во спасение и в радость даются».

Батюшка часто говорил про себя: «Я не учёный, а жизнью толчёный». Он не только много трудился, но и дерзновенно молился всю жизнь за свою паству, даже на одре болезни.

Отец Павлин уже тяжело болел, когда в областной газете «Коммуна» стали печататься списки расстрелянных в 30-е годы, он выписывал имена и фамилии всех священнослужителей и тех, кто был приговорён к смерти из-за веры, он их всех поминал в своих молитвах. Таковых оказалось более семисот человек.

Большое значение придавал отец Павлин исполнению молитвенного правила. Сам он выполнял его неукоснительно. У него в комнате стоял складной аналой, на нём лежал старинный «Правильник», который подарили батюшке Танеевские старицы – монахиня Ангелина (Наталья Михайловна Лимарова, родилась в 1873 году, † 10.06 1956 г.), монахиня Херувима (Устинья Михайловна Лимарова, родилась в 1878 году, † 10.11 1956 г.) и монахиня Серафима (Татьяна Михайловна Лимарина, родилась в 1867 году, † 16.12 1050 г.). В Танеево (ныне село Евгеньевка Курской области) матушки поселились, вернувшись из ссылки на Соловки, куда попали из Астраханского женского монастыря. Настоятельницей этого монастыря была их родная тетя – игуменья Митрофания. Брат игуменьи, отец Геронтий, также был с ними. Все они в годы гонений окормляли жителей Воронежа, Курска, Белгорода и других мест. Анна Анисимова (схимонахиня Иоанна, келейница иеросхимонаха Нифонта), в молодости посещала их и получала духовные наставления. А когда умерла матушка Ангелина, Анна Анисимова спросила матушек Херувиму и Серафиму, у кого же ей после окормляться? Они ответили: «Будешь ходить в Старый Оскол к Алешеньке». Будущему старцу Алексею Феодоровичу было тогда два года. Похоронены старицы на кладбище у храма Марии Магдалины села Евгеньевка. Над их могилами возведена часовня.



Георгий, сын протоиерея Николая Овчинникова

Когда батюшка стал плохо видеть, молился по чёткам. Отец Павлин сильно страдал от тяжёлых сердечных приступов и диабета, но сколько любви, ласки, внимания, участия, сострадания к окружающим показал он за время своей болезни!

Преподавательницу железнодорожного техникума Людмилу Сергеевну однажды привели к батюшке в полном отчаянии – после парализации она еле-еле передвигалась. Батюшка сразу сказал: «А ну-ка спой мне свои любимые военные песни». Людмила Сергеевна вспоминала: «Я запела, а из глаз побежали слёзы. Я пела ту песню, которую пела трехлетней крохой в Катанском лесу под Смоленском. Мы были в партизанском отряде, при котором находился скрытый аэродром и перед каждым вылетом взрослые собирали детей и просили их петь. Они так считали: «У каждого лётчика есть дети, и лётчик, улетая на задание, должен обязательно вернуться к своим детям. Не все возвращались, но у каждого перед гибелью, наверное, звучали наши детские голоса. Они шли на смерть с нашими песнями». Отец Павел попросил включить свет: «Дайте-ка я на эту певицу погляжу» и сказал, что она хорошо поёт и чтобы с этого дня она всё время пела. Зашла речь и об уходе Людмилы Сергеевны на пенсию, оформлении инвалидности. «Никакой пенсии –

работай… Работа – твой крест, а с креста по своей воле не сходят. Работа – послушание, данное Господом. Речь нарушена? Плохо говоришь? Тебя вылечат твои ученики».

У постели иеросхимонаха Нифонта схимонахиня Михаила (Горкина), у изголовья Надежда, сестра ба-юшки, монахиня Марина (ныне схимонахиня Артемия)

Но, всё же, Людмила пошла к директору техникума с заявлением об уходе на пенсию. Директор сказал: «Не спеши. Я тебе дам маленькую нагрузку, а там время покажет». «Вошла я в класс и обратилась к ученикам: «Вам «повезло. Не я вас буду учить, а вы меня. Видите, какая у меня речь. На вас надежда, восстановится она у меня или нет», – вспоминает Людмила Сергеевна. – А потом мысль осенила: «А чего это я петь буду в одиночестве». Создала из своей группы хор, к которому примкнули и другие мальчишки с девчонками. Вскоре и речь моя восстановилась, и хор наш стал призовые места занимать. Мало того, однажды давала по министерской линии показательный урок. Когда я его закончила, то меня все поздравляли и восторгались. А я стояла и не плакала, а рыдала в три ручья. Все думали, что это сдают нервы, накопленные за 50 лет педагогического стажа, а я просто видела перед собой батюшку и не знала, как его благодарить. Пошла к нему с цветами, а он сказал: «Знаешь, почему у тебя всё так хорошо получилось? Ведь весь секрет в твоих последних словах». В каких? Я ничего не

помню – урок прошёл как во сне. Батюшка напомнил: «Ты всё время держала в уме и сердце Господа, и завершила урок так: «Я вам преподаю «Охрану труда», «Технику безопасности», и что главное в моих уроках? Помнить всегда о Боге и знать, что Он создал человека не как паровоз или какую-то другую машину – в человеке Господь не предусмотрел ни одной запасной части». Действительно, я это говорила. Был у меня еще случай с выпуском моей группы: восемь человек заочников защищали свои курсовые проекты. Пришла к отцу Павлу и прошу его молитв о моих слабеньких ребятках. И слышу: «Не слабенькие они у тебя. Все получат оценку «Отлично». Я ему говорю «спасибо за добрую шутку» – никак восемь моих подопечных не могут все получить пятёрки, так как больше половины из них «троечники». Батюшка улыбнулся: «Ну, ладно. Две «четвёрочки» допускаем». Каково же было моё удивление, когда я слушала, как шла защита у каждого. Обычно выпускники, тем более заочники, на экзаменах и защите диплома очень волнуются, теряются, а тут на равных вступили в спор с комиссией. В итоге всем единогласно были выставлены отличные оценки. Когда вышел такой расклад, то первым опомнился директор: «Нам никто в это не поверит, что-то у нас не так получилось, в истории техникума подобного результата не было. К тому же, учтите, что это далеко не лучшая группа». Тогда комиссия начала детально разбирать каждого выпускника. Сошлись на том, что всё же двум бывшим заядлым троечникам придётся поставить по «четвёрке». Потом я познакомилась с псаломщиком Сергием Гончаровым, батюшкиным крестником, вместе с ним стала ездить в храм села Давыдовка и петь в церковном хоре.

Мне постоянно хотелось сделать для батюшки что-то хорошее, приятное. Выпытывала у него про день рождения, но так и не узнала, поэтому однажды на его День Ангела пришла с букетом роз, и он мне тут же продекламировал:

«О розы, вы розы
Как вы расцвели!
Что вас ожидает?
Когда наступят горестные дни,
Кто о Чайке повздыхает?»

Это он меня так звал – «Чайка». Ведь при первой встрече с ним я пела ему песню: «Чайка, белокрылая чайка…» Тогда он сказал, что через семь лет мы поедем с ним вместе кататься на машине. Будет очень хорошая весна, и мы этой весной вместе должны радоваться…»

У постели батюшки со Святыми Дарами отец Владимир (Кириллов)

В последние два-три года жизни к батюшке шло очень много народа из школ, техникумов, вузов: журналисты, художники, крестьяне. Временами он изнемогал и говорил, что все идут со скорбями, и он переживает за них, не спит ночами, и у него из-за печали о чужих грехах болит сердце. К нему отовсюду приезжали

монахи, священнослужители, простые люди – и всех он утешал. Приходящих к батюшке не отпускали обратно голодными, всех старались накормить. Батюшка Павлин и его сёстры с любовью встречали и кормили людей, порой делясь последним куском. Хотя каждый из приходящих и старался с собой что-то принести, но всё же обременительно пожилым людям постоянно готовить. С батюшкой пытались поговорить: мол, на чай согласны, а от остального увольте. На это отец Павлин отвечал: «Нет. Из моего дома ещё ни разу никто голодным не уходил, знайте: покормил человека – Богу послание через то доброе отправил и от него посылочку получил. Стол и гостеприимство – связь с Небом». Когда мы приходили к батюшке, угощали его конфетами или глазированными сырками, он, откусив немного от этой конфетки или сырка, кормил ими нас, как птица кормит птенцов, вкладывая в клюв еду. Уходили мы от батюшки сытыми телесно и духовно.

Фрагмент стены в доме у батюшки

Батюшка Павлин рассказывал, что его духовный руководитель отец Николай (Овчинников, в схиме Нектарий), к которому в Елец приезжали с просьбами о помощи очень много простых людей и высокопоставленных лиц, (даже из Бразилии и США), посещали его митрополит Зиновий (Мажуга), схиархимандрит Виталий (Сидоренко), говорил: «Еда – посылка на небо!» За столом устраивали беседы, за чаем и добрым словом согревалась душа. А сколько тортов ему привозили благодарные

чада!

В конце жизни отец Нектарий восемь лет был прикован к постели. Больной, он говорил очень тихо. Как любили отца Нектария, он был человеком необыкновенной души! К нему в Елец, чтобы получить совет и благословение, ежедневно приезжало множество людей. Иногда в доме ночевало по двадцать человек, спали прямо на полу. Бывали у отца Нектария и известные люди: писатели Владимир Крупин и Валентин Распутин, кинорежиссёры – супруги Юрий и Ринита Григорьевы, учёные Владимир Росов и Павел Флоренский.

Вспоминал отец Павлин о том, как с отцом Николаем (Овчинниковым), его сыном Георгием и Петром Афанасьевичем Никитиным в 1961 году они тайно ночью перезахоранили мощи блаженной Феоктисты († 06.03.1940) с кладбища на Придаче на новое Левобережное кладбище «Баки». Пётр Афанасьевич Никитин увидел и второе перезахоронение блаженной Феоктисты 16 сентября 2009 года, когда мощи с кладбища «на Баках» были перенесены в Алексеево-Акатов монастырь. Во второй раз он был одет в тот же костюм, в котором участвовал в первом перезахоронении.

Сейчас многие воронежцы и паломники со всей России имеют возможность помолиться и попросить помощи блаженной старицы у её могилки.

Вспоминает схимонахиня Михаила (Горкина): «Шло время, меня осенила мысль вышить отцу Павлину схиму. Его жизненный подвиг должен быть завершен. Думала: академик, монах, нет совершенства, нужна схима. Она пролежала готовая около него долгое время». Матушка Михаила, будучи в схиме семь лет, приезжала к батюшке и утверждала: «Во святцах читала, что схимникам в вечной жизни отведено отдельное место. Я – схимонахиня, Вы – монах. Стало быть, будем в разных местах. А мы прожили свою земную жизнь с Крестом во славу Божию, какой показал нам Сам Господь наш Иисус Христос. Что ж перед концом хотите бросить Крест? Почему? Я не знаю мирской жизни, прожив в монастыре 55 лет с юной поры. Вы тоже не знаете, неся трудную службу во славу Божию. Подумайте хорошо, отец». «Я одела его схиму, мною вышитую, и говорю: «Смотрите, Господь смотрит на нас. Слово Божие, кресты на схиме, 16 херувимов». Он молчал. Снова я поехала к своему духовнику – священноархимандриту Кириллу (Павлову). Просила его со слезами помолиться за отца Павлина. Говорила, что тёмные силы его смущают, он недалёк от исхода в вечность. Приехав домой, мне сообщили, что отец Павлин пострижен 21 апреля 2002 года в схиму с именем «Нифонт» в честь святителя Нифонта Новгородского, постриг

совершен в день памяти преподобной Марии Египетской, Великим постом.

Для пострига отца Павлина ждали епископа Никона. Анна Анисимовой приснился сон, что постригать отца Павлина будет не Владыка Никон, а Сергий. Она сказала об этом батюшке, а он спросил: «Какой Сергий? Откуда? В Задонском монастыре и монахов с таким именем нет». Вдруг через два дня по поручению епископа Никона (ныне митрополита Липецкого и Задонского) приехал игумен Сергий (Безруких), который в Задонске появился совсем недавно. Приехал он и говорит: «У меня, отец Павлин, благословение совершить постриг Вас в великую схиму». В этот же день был совершен постриг инокини Киры (келейницы батюшки – Анны Анисимовой) в монахиню Марию в честь преподобной Марии Египетской. После кончины батюшки в 2005 году она была пострижена в схиму с именем «Иоанна».

Схимонахиня Иоанна (Анисимова)

Схимонахиня Иоанна (Анисимова), монахиня Марина (Санталова), монахиня Римма (Санталова)

«Радость была великая – я далеко была от него по-земному, но духовное чувство вещало – он скоро примет мученическую кончину, – предчувствовала схимонахиня Михаила (Горкина), – мне позвонили после и сообщили, что ему необходимо ампутировать ногу. Много раз я звонила не только в их дом – молила не допустить этой страшной операции. Он должен перейти в вечность со своей ногой, потому что подошло время его страданий для полного очищения. И он скоро отошёл святым борцом за крепость веры Православия в муках, страданиях человеческих».

Как уже говорилось, схиму для батюшки вышила матушка Михаила (Горкина). Также она вышила схиму для своего духовного отца Кирилла (Павлова) и для друга батюшки – игумена Виссариона (Остапенко, † 12.03.2015). В одном из писем матушка Михаиларассказывала, что на вышивание схимы уходит не менее месяца: только одних Херувимов на схиме – шестнадцать, со всей усидчивостью и любовью за день получается вышить только одного. В письме к своей духовной дочери Наталье Барановой (Великий пост, 2004 год) матушка Михаила сообщает, что вышивает схиму для своего духовного отца – архимандрита Кирилла (Павлова) и для игумена Виссариона (Остапенко).

За полтора года до кончины к батюшке Нифонту пришёл отец Владимир (Кириллов, † 24.04.2011 в Светлое Христово Воскресение), настоятель Владимирского храма г. Воронежа. Он исповедовал и причащал старца еженедельно: «Всякая встреча с отцом Нифонтом, – вспоминал отец Владимир, – особый душевный трепет, моменты постижения того, на что понадобились бы годы и годы, да и были бы эти постижения, если бы Господь не открыл многое через общение с благодатным батюшкой! Для него исповедь и причастие были невероятной работой души, готовящейся к рождению в мире ином, вечном. Ощущение такое, что не я его исповедовал, а он у меня исповедь принимал. Мне открылись такие мои грехи, о которых я и не думал, про которые давным-давно забыл. На подобную исповедь вряд ли кто из нас способен. Такая глубина, такое обращение в бездну своей души, что я не знаю, как это состояние выразить. Такое впечатление, что он выворачивал себя наизнанку, всё встряхивал, потом ещё жёсткой щёткой проходил. Какое умаление себя, своих дел. Ведь даже родные сёстры не могли сказать, был ли он иконописцем или не был. Всё, что он писал

сам, он приписывал другим, то есть отдавал авторство тем, кто ему в данный момент помогал. Чувство вины перед всеми, ощущение неисполненного долга. Потрясающее здравомыслие, логика мышления, ясное понимание, что всех нас ожидает Там. Однажды была чрезвычайно сложная ситуация. В дом к отцу Нифонту и его сёстрам пришла женщина, отрекомендовалась «монахиней», которую постоянно подвергают гонениям. По её словам, она служила в Читинской епархии. Узнав о благодатном батюшке, она захотела быть при нём, и одновременно искать домик поблизости Воронежа. Все, кто в это время посещал батюшку, в один голос заявили: «Монахиню надо удалить из дома, так как она совсем не тот человек, за которого себя выдаёт». Рядом с домом батюшки находился Акатов женский монастырь, но она ни разу не ходила туда на службу, да и вообще пользуется косметикой, а манера речи у нее более чем светская.

Старец Алексей Фёдорович потребовал немедленно вызывать милицию и выгнать её. Такого же мнения придерживались отец Амвросий, приехавший к батюшке Нифонту из Риги, и Владыка Никон, епископ Липецкий и Задонский. Конечно, отец Нифонт знал о том, что из себя представляет «монахиня», но был категорически против её изгнания из дома. Ему было жалко доброго, но заблудшего человека – он был готов терпеть из-за неё любые страдания. Значит, заслужил. У него была надежда на то, что он поможет человеку, вымолит его. В принципе, он оказался прав – человек со временем стал иным».

Отцу Владимиру батюшка Нифонт подарил свой подрясник. Интересна дальнейшая судьба этого дара. Уже после смерти батюшки, весной 2007 года, отец Владимир вдруг получил неожиданное предложение поехать в Иерусалим. Он взял с собой подрясник, подаренный иеросхимонахом Нифонтом. В монастыре на Елеонской горе, у подножия которой находится Гефсиманский сад, где молился Христос перед своими крестными страданиями и с вершины которой Христос вознёсся на небо, отец Владимир обратил внимание на ветхое и залатанное облачение одного монаха. Ему-то отец Владимир и подарил батюшкин подрясник.

В последние два года жизни батюшку Нифонта посещали многие преподаватели Воскресных школ. Он с большим интересом расспрашивал о детях, особенно о том, как они относятся к вере. Когда Ольга Александровна Лосева спросила, обязательно ли в школах надо вводить «Закон Божий», отец Нифонт ответил, что сначала надо его ввести в каждую семью.

За полтора года до кончины батюшки, в день Николая Чудотворца в декабре 2003 года, познакомились с батюшкой преподаватели «Православной психологии» Воронежского

базового медицинского колледжа – Ольга и Галина.

Старцы с Афона Сергий из Избище, дедушка Феодор из Воронежа

Вот их воспоминания: «Дом, обустроенный собственными руками ещё здорового батюшки, в котором мы оказались, более походил на храм. Все стены этого дома снизу доверху были в иконах на события Ветхого и Нового Завета. Даже в коридоре, где раздевались, на дверях – везде картины. Но глядя на них, понимаешь, что это иконы. Вот Христа встречают 5 мудрых дев с зажженными светильниками, а юродивые побежали за маслом. На картине видно, что жених – Христос пришел на брачный пир. А вот Христос в доме Марфы и Марии. Мария сидит у ног Господа, внимая его словам, а Марфа, спускаясь со ступеней, несёт поднос с угощениями дорогому Гостю. У источника три голубя пьют водичку. Эта картина наполнена солнечным светом. Какие сочные, радостные цвета! Переводишь взгляд на другую картину и видишь переживания Христа за род человеческий на окраине ночного Иерусалима. А вот Никодим пришёл ко Христу тайно ночью, чтобы узнать, как войти в Царствие Божие. Здесь Ученики идут за Христом засеянными полями, сердечно внимая учению Спасителя, который повернул к ним Лик и предлагает утолить голод спелыми зёрнами. Вышел Сеятель сеять, и зёрна с его ладоней падают на разную почву. Часть их склёвывают птицы, часть попала на камень, а часть на добрую почву. Тут и Милосердный самарянин, сойдя с ослика, перевязывает раны

человека, а вдалеке прошли священник и левит. Один из десяти исцелённых прокажённых вернулся, чтобы поблагодарить Господа, упал перед Ним на колени. А где остальные девять? Видны только их удаляющиеся фигуры. Каин позавидовал Авелю. Христос благословляет детей. Самарянка у колодца беседует с Господом. Вот исповедь невидимо принимает Христос. Архангел Гавриил принёс цветок белой лилии Пречистой Деве. Христос в лодке проповедует собравшимся послушать Его… В углах комнат столы с лампадами, иконами, украшенными батюшкой ажурными, вырезанными из фольги узорами, которые он придумывал сам и покрывал белой краской. Сколько же надо было потратить труда, времени, молитвы и любви, чтобы так украсить лики Христа, Богоматери и святых! Глядя на эти работы батюшки, видишь чистоту его сердца и помыслов. А картины, которые писал художник Алексей Бирюков, по молитвам батюшки получались как живые. На них лики святых, Христа, Богоматери отличны от других лиц. Картины как бы освещены солнцем. Рассматривая их, оказываешься в пространстве изображённого евангельского события. Время останавливается. Душа успокаивается и врачуется от мирской суеты. Проходим столовую и попадаем в зал, где на диване у стены лежит на подушечках батюшка. Такой красивый, убелённый сединой. Взгляд у него, как у ребенка, добрый и чистый, и в тоже время глубокий, как у Христа. По могучему телу и росту, по взгляду и бровям он напоминал мне моего почившего отца. Я принесла батюшке свечечку, которую привезла из Дивеево, она пахла мёдом. Он взял её в руки и попросил зажечь. Так и лежал с зажженной свечой, пока мы разговаривали». Ольге батюшка Нифонт сразу сказал: «Ну, сиротинушка, ты мне читать будешь и рассказывать. Люблю всякие рассказы слушать». Действительно, Ольга Александровна – изумительный рассказчик, педагог с многолетним стажем. Она с момента организации Воскресной школы при храме Ксении Петербуржской города Воронежа вдохновенно рассказывала жития святых, дети слушали её, затаив дыхание, с огромным интересом. А еще она, правда, сирота. Батюшка стал расспрашивать о её родном городе Мичуринске, ведь он часто бывал там, и после окончания Духовной Академии ему предлагали быть в этом городе настоятелем Ильинского храма, но в Воронеже у него была больная мама и сестры. «Главное даже не в этом, – говорил батюшка, – я же молодой, нигде не служил, и вдруг – настоятель такого храма!» Неоднократно он приезжал в город Мичуринск к схимонахине Серафиме (Белоусовой). Ольга Александровна поделилась детскими впечатлениями о встречах со старцем Севастианом Карагандинским (ныне прославлен в

лике святых), который до заключения служил в Ильинском храме города Мичуринска. Батюшка стал расспрашивать, была ли она на могилке протоиерея Георгия Плужникова, вместе с которым батюшка учился в семинарии и очень дружил. Воспоминания затянулись. Батюшка отправил нас покушать, сказав, что после службы мы пришли голодные. Сестра батюшки, Раиса (в монашестве Римма), подала вкусную солянку и яблочный пирог. Готовила она простую пищу изумительно! Потом я поняла, что так получается пища с молитвой, чистотою и целомудрием сердца (матушка Римма, батюшка, матушка Артемия и матушка Иоанна были девственники). Прощаясь, батюшка сказал: «Ладно, приходите ещё!» «Ладно» – звучало особенно. Это не безликое «хорошо», а слово, несущее в себе лад, покой, мир. Уходить от батюшки не хотелось. Каждый раз идти к нему было очень трудно: то появлялись помыслы прийти в другой день, то наваливалась немощь и не было сил, но побывав у батюшки, какими мы уходили от него! Всё видимое, окружающее, все скорби и заботы как бы растворялись и исчезали. На сердце становилось тепло, тихо, радостно, шла молитва.

Батюшка пел нам песню:

«Нет, нет, силы нет, Боже мой, я молюсь,
помози ты мене, вся надежда моя на Тебя!
А лукавый смущает и мучает меня,
хочет в сети свои затянуть.
Нет, нет, силы нет, Боже мой, я молюсь,
помози ты мене,
вся надежда моя на Тебя».

Не дом был у отца Нифонта, а мини-монастырь: схимонахиня Иоанна, сохранившая в себе дух нашей старой Руси, мудрая, спокойная. На её памяти события трагической истории разрушения храмов, раскулачивания, войны. На её долю выпало счастье восстанавливать храмы.

Сёстры батюшки: Раиса – монахиня Римма, Надежда – схимонахиня Артемия, Мария – монахиня Варсанофия, с любовью ухаживающие за батюшкой и с радостью привечающие духовных чад отца Нифонта. Батюшка с любовью встречал всех приходящих к нему. Вместе у дивана, на котором он лежал, мы вслух читали Псалтирь, каноны или акафисты. Особенно он любил акафист Пресвятой Богородице «Утоли мои печали», он сам знал его наизусть. После молитвы батюшка всегда веселел, оживлялся и говорил, что ему стало легче. Он всегда благодарил за молитву о нём. Отец Нифонт говорил много назидательного своим чадам.

При этом он вспоминал трагические эпизоды своей жизни. На День Победы он попросил: «Спойте «А до смерти четыре шага». Спели ему известную «Землянку». Он заплакал. «Наверное, вспоминаете однополчан?» – спросил кто-то. Батюшка тяжело вздохнул: «Да. Тех, которые не вернулись с войны. Жалко всех – сколько их погибло». Батюшка не всегда оставался одинаково ровным, спокойным и благодушным. Иногда он возмущался, спорил. Характер у него был твёрдый и прямой. Отец Нифонт не обращал внимания на то, пришёл к нему человек с гостинцами или голыми руками. Всегда радовался чьему-либо приходу, поговорит немного, потом прикажет сёстрам: «Покормите!». Он многое провидел. Как-то в Воронеж к нему приехали три женщины из Краснодара. Такие весёлые, жизнерадостные. Всё батюшку расспрашивали, кому молиться, да в какой храм лучше ходить? Он распорядился их сначала накормить, они сидят в соседней комнате кушают, а батюшка так рыдает, так рыдает. Схимонахиня Иоанна, келейница отца Нифонта (Анна Анисимова, которую батюшка, когда слёг, забрал из Хорошилово в свой дом), спросила его: «В чём дело?». А он ответил: «Не могу, Нюра, замучили меня эти абортички. Ты даже не представляешь, какие у нас убийцы сидят!». Женщины пообедали, и опять к батюшке, а он им вопросы, вопросы. Они и признались, сколько они жизней в своей утробе загубили. Как же они рыдали после и раскаивались!

Батюшка оказывал материальную помощь для восстановления многих храмов. По его молитвам, с его помощью в школе-интернате Железнодорожного района города Воронежа открылась домашняя церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». Настоятель храма иконы Богоматери «Взыскание погибших» отец Алексей Спицын утверждает, что после того, как он попросил молитв у отца Нифонта о строительстве часовенки, откуда-то появились благодетели, и вместо часовенки возник храм в память о воинах-интернационалистах, погибших в горячих точках в мирное время. Отец Сергий, утверждает, что как только его рукоположили и направили на служение в Михаило-Архангельский храм села Бодеево Лискинского района Воронежской области, он пришёл к отцу Нифонту за благословением и советом. Старец не только его благословил, но и обязал читать определённые молитвы, акафисты. Мало того, отец Нифонт, не видя этого храма, сказал отцу Сергию, с чего начинать восстановительные работы.

Монахиня Евфросиния, ныне схимонахиня Арсения

Храм там совершенно особенный (в годы безбожного лихолетья пришли в Воронеж с Афона три старца – Феодор, Сергий и Моисей, которые окормляли народ после закрытия храмов. Старец Феодор поселился в Воронеже, старец Сергий – в Избище, а старец Моисей поселился в Бодеево, похоронен у алтаря. Во время Великой Отечественной Войны по молитвам старца Моисея ни одна бомба не упала на село). До прихода отца Сергия храм несколько раз пытались безуспешно восстанавливать. Отец Нифонт посоветовал: «Входи в храм вратами на восток и восстановишь его».

Батюшке много было открыто. Он знал, кто к нему едет, и как в дороге ведет себя. Он предсказал будущие гонения русских в Союзных республиках, войну в Чечне. За день до трагедии в Беслане, когда террористы захватили школу, батюшка плакал, ничего не ел, беспрестанно повторял: «Берегите детей! Берегите детей!»

Валентина из села Садовое, старшая медсестра, как-то пожаловалась батюшке, что стало трудно работать – люди изменились в худшую сторону, просила благословение на уход с этой должности. Батюшка выслушал ее и сказал: «А Спасителю легко было на Кресте? Его распяли безгрешного за наши грехи – каково было Ему переносить страдания. С Креста не сходят, с

Креста – снимают. Жди, пока твоё руководство предложит тебе другое место – тогда перейдёшь». Со временем так и получилось, как сказал батюшка – из-за болезни Валентину перевели в простые медсёстры.

Строго обличал отец Нифонт блудников. Приехал однажды из Белгорода один мужчина, а батюшка на него: «Не подходи ко мне! Ты же блудник! Зачем жене изменяешь?! Как перед Господом ответ держать будешь?!» Мужчина стал перед ним на колени в слезах – всю душу будто наизнанку вывернул.

Отец Нифонт имел дар христианской любви, очень редкий в наше время. Если он разговаривал с собеседником, то интересовался подробностями его быта, условиями работы, семейной жизнью, родственниками, трудностями, неурядицами, духовной и материальными сторонами жизни. У батюшки была очень хорошая память, он слушал и сопереживал. Иногда он как-бы угадывал настроение приходящего к нему чада. Если батюшка спрашивал у кого-то: «Тебя никто не обижает?», то все понимали – человек, действительно, кем-то обижен, и батюшка облегчает ему дорогу к душевной беседе, откровению.

Перед Днём Победы в гости к отцу Нифонту приезжал архимандрит Амвросий из Риги. У отца Амвросия три боевых ордена, среди которых награды Отечественной войны, Красной Звезды… Отец Амвросий говорил: «Нынче не надо ничего возрождать – дайте радио и телевидение духовно здоровым людям, а не потомкам тех, кто распял Христа. Мат – хула на Бога. Слово так просто человеку не даётся. Ты знай, какое слово от Бога, а какое от сатаны, разрушительное. Душа разрушенная, – не слуга ни семье, ни отечеству. Вопиют: «Что делать? Что делать?!» К Богу идите и старайтесь других к Нему привести – во всём победа будет. Чем больше страданий за веру, тем крепче государство». По просьбе отца Нифонта он многих исповедовал и причащал, а Анну Тищенко, которая попала в дом отца Нифонта незадолго до его кончины, постриг в монашество с именем «Евфросиния». Она была тяжело больна, парализована. Вследствие заражения крови у нее полностью был атрофирован спинной мозг, наблюдалась непроходимость всех каналов. Все, кто знал и не знал Аню, а только слышал о случившемся с ней несчастье, усиленно молились о ней. Болезнь возникла внезапно, на Пасху – Аня училась на последнем курсе регентского отделения в Воронежской духовной семинарии и мечтала о монашестве. Очень почитала она Матерь Божию и всегда приносила цветы к её иконам в Богородичные праздники. 15 августа 2002 года у Анечки в голове сложилось стихотворение, которое оказалось пророческим:

Каждая ночь – Гефсимания
И на Голгофе распятие.
Чашу святого страдания
Выпью в Христовых объятиях.

Каждую ночь чётки горькие –
В прежних грехах покаяние,
Девушка пальцами тонкими
Перебирает в кровати.

Ночь подведёт на глазах её
Тени, улыбку печальную
Только луна бледно-жёлтая
Знает её все страдания.

Каждую ночь у бессонницы
Гостью такую печальную
Я на Голгофе – паломница
Каждая ночь – Гефсимания.

Через полтора года она заболела (в апреле 2004 года). Анна записала это стихотворение на первой страничке дневника, потому оно сохранилось. «Сейчас бы я такого не написала. Дерзко сравнивать любые человеческие мучения с Голгофой. И хотя у каждого есть своя маленькая Голгофа и Гефсимания, но всё-же до моей Голгофы ещё далеко. Здесь надо душу распять, а не тело…» Впоследствии она рассказала: «Когда я попала в реанимационное отделение областной больницы, то поняла – всё для меня на этой земле завершилось. И вдруг в проёме двери вижу… Божию Матушку! Знаете, точно в таком облачении, в котором Она изображена на иконе, когда Её явление было преподобному Сергию. Она стоит и говорит мне. Нет, даже не говорит… Я не слышала слов, но почему-то поняла Её повеление: «Ползи ко мне. Ты будешь долго жить. И будешь долго служить Мне и Господу». Я ей отвечаю: «Как же я поползу. Я же раздетая. Мне стыдно». «Ползи!» И я… поползла. Я сползла со стола. Когда вошли врачи, они увидели меня на полу. Со мной, лежащей безо всякого движения, на их глазах какая-то неведомая им сила совершила чудо. Привезли домой, в Урыв. Не могу ни ногою двинуть, ни пальцем пошевелить – только в голове ясность и постоянная молитва – Благодарение Господу и Божией Матери». Отец Георгий из Гремячьего, где Аня на практике читала и пела на клиросе перед заболеванием, послал к ней Сергея Ивановича

Сливенко, врача-реаниматолога, который был изумлён – во врачебной практике подобного, что произошло с Аней, не встречалось. За последние пятьдесят лет нечто похожее описано у трёх докторов, но в описанных случаях больные всё равно умирали через несколько дней. Если же она больше года живёт и не умирает, значит, какая-то надежда на что-то есть. Сергей Иванович стал не лечить ее, а просто ухаживать за ней и делать массаж. Потом возникла необходимость перевести Аню из Урыва Острогожского района Воронежской области в Воронеж. Так Аня попала в дом к батюшке Нифонту. Положили её на диван рядом с батюшкой, он спросил у нее:

Преп. Амфилохий Почаевский (отец Иосиф Головатюк – духовный отец дев. Пелагии, сестры схим. Иоанны

– Сколько лет ты лежишь?

– Год.

– Я вот уже седьмой год в потолок гляжу. Ты скорбишь?

– Нет. Бога благодарю. Скорблю только, что не могу на клиросе петь.

«Он взял мою руку в свою, от которой такое живительное тепло шло, что и передать не могу. Я его слушала и, конечно, не верила, что скоро буду сидеть, вышивать, рисовать. Было просто счастье слышать от него: «Поживи в моём доме. Оставайся со мною жить»…

За день до ухода отца Нифонта почувствовала, что батюшки с нами не станет, и попросила отнести меня к нему. Сергей Иванович хотел было положить меня на диван к старцу, а он: «Нет, будешь со мной разговаривать, сидя в коляске». Я ему сказала, что это невозможно, что я не могу держать своё тело никоим образом. Но Сергей Иванович меня усадил, и я поняла, что надо потерпеть ради батюшки. Тем более, перед этим Сергей Иванович мне пояснил, что у отца Нифонта сухая гангрена, а она сопровождается страшными болями. И он, врач, не мог объяснить, как батюшка терпит, как может оставаться постоянно весёлым, добрым, в прекрасном расположении духа. Мы с батюшкой сидели, читали стихи, вместе молились, песни пели. Батюшка всё время лил слёзы – я понимала, что он прощается с нами. Не поверите, я просидела с батюшкой полтора часа! Словом, с тех пор стала я сидеть, потом даже начала вышивать. Руки у меня не действуют – просто иголку ими придерживаю, а всё остальное делаю при помощи зубов. Потихоньку учусь заново рисовать». Перед кончиной батюшки, Анечку (монахиню Евфросинию, ныне схимонахиню Арсению) соборовали, и все духовные чада батюшки, которые находились в тот момент в доме, тоже соборовались. По окончании Таинства батюшка, обратившись к Анечке, взял её за руку и сказал: «К несчастному ближе всех несчастный».

Отец Нифонт на одре болезни

20 мая 2005 года умерла девица Пелагея, девяностолетняя сестра схимонахини Иоанны, которая жила в доме батюшки последние три года. Она была духовной дочерью отца Иосифа (Головатюка), ныне прославленного в лике святых преподобного Амфилохия Почаевского. В молодости она часто бывала у него. Пелагея постоянно находилась в молитве, была немногословна, но те несколько слов, которые она говорила кому-либо, оказывались пророческими. Всю свою жизнь она служила в церкви, пекла агничные просфоры в Покровском Соборе и Никольском храме города Воронежа. Когда она почила, ее облачили во все розовое, как невесту. Удивительная перемена совершилась на глазах: прожившая почти сто лет старушка засветилась неземной красотой. Погребальное покрывало, гроб, крест были приготовлены руками отца Нифонта ещё до его болезни. Батюшка для всех приготовил гробы и дубовые кресты ещё когда служил в Хорошилово. По благословению батюшки Нифонта Пелагею похоронили в Хорошилово.

Глава 11. Кончина. Похороны

«Блаженны мертвые, умирающие о Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними».

Откр. 14:13

В день смерти Пелагеи, на праздник Преполовения, у батюшки началась сухая гангрена правой стопы, что часто бывает при сахарном диабете. Сначала пальцы и вся стопа стали чернеть, и врачи советовали ампутировать ногу, но батюшка наотрез отказался. Чтобы снять интоксикацию, батюшке ставили капельницы, но он смотрел на все эти старания продлить ему жизнь, как на что-то совсем ненужное. Он иронически произносил: «Мучители, гонители». Отец Нифонт понимал всю тщетность лечения, оно как будто мешало ему идти ко Господу. Батюшка даже пытался выдернуть шнур капельницы.

День, когда у батюшки началась гангрена ноги (19 мая 2005 года), совпал с началом крестного хода с Песчанской иконой Божией Матери за Православную Триединую Русь, который благословил батюшка. Галина спросила у батюшки: «Ты идёшь молитвенно с ними?» Он утвердительно кивнул головой. Крестоходцы прошли маршрут по России, Белоруссии, но на границе с Украиной крестный ход не пропустили.

Первая панихида

Когда почерневшую ногу батюшки мазали освящёнными маслами, совершалось чудо: она становилась светлой. Однажды вызвали скорую помощь, и врач стал снимать кардиограмму. Медбрат, выйдя в коридор, в разговоре с духовной дочерью отца Нифонта на её слова о том, какой подвижник был батюшка, с иронией сказал: «Если есть Бог, что же он попустил такому хорошему человеку такие страдания?» Войдя в комнату, где врач описывал кардиограмму, медбрат посмотрел на ногу батюшки и обомлел – только что чёрная нога стала светлой. Он с большим удивлением стал спрашивать: «Что вы сделали с ногой?», такого результата он никогда не видел, потому что нужен минимум месяц для того, чтобы вывести интоксикацию. Духовная дочь батюшки ответила, что она помазала ногу батюшки маслицем, освящённым на Гробе Господнем и у 46 чудотворных икон Пресвятой Богородицы, и показала пузырёчек с «Божиим» лекарством. Тогда медбрат и врач стали спрашивать, где это масло можно приобрести.

До самых последних минут жизни отец Нифонт был в сознании и очень страдал. Всех, кто к нему подходил, он благословлял, называя их имена. Смотрел на всех грустно и с любовью, прощаясь. Анечка, дочка Галины, принесла как-то ему букет ландышей. Он обрадовался, прижал цветы к губам, потом протянул цветы другим, чтобы они порадовались весенним цветочкам.

Батюшка знал день своей кончины. 19 мая он сказал своей

духовной дочери: «У меня был Один. Сказал, что через две недели ты встанешь… Неделя уже прошла».

Через неделю, 26 мая 2005 года в 16 часов, в полном сознании отец Нифонт отошёл в вечность…

Батюшка отошёл ко Господу тихо, скромно, никого особо своим уходом не побеспокоил. Вот только что-то говорил, потом закрыл глаза и… умер. Медсестра (батюшка её звал «Ниночка-блондиночка») отключила капельницу и сказала: «Всё!». Незадолго до этого батюшка читал стихи Никитина:

«Что же? Усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землёю придавится,
Только одним человеком убавится…
…Вот она – слышится песнь беззаботная,
Гостья погоста, певунья залётная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается…
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слёз!»

Через час на облачение почившего иеросхимонаха Нифонта по благословению Владыки Никона прибыли игумен Поликарп (ныне схиигумен) и иеродьякон Гавриил (ныне иеромонах) из Задонского мужского монастыря. При этом также присутствовали протоиерей Владимир Кириллов, протоиерей Андрей Изакар. Первая панихида по батюшке прошла во дворе дома, где он жил. Затем его тело перенесли во Введенский храм, где непрерывно читали Евангелие и служили панихиды подъезжающие для прощания с батюшкой священники.

На следующий день, после литургии, гроб с телом иеросхимонаха Нифонта обнесли крестным ходом вокруг храма и направились в Рождество-Богородицкий Задонский мужской монастырь.

От Задонского мужского монастыря автобус с почившим о Господе отцом Нифонтом и вереница следующих за ним легковых автомобилей двигались в храм Параскевы Пятницы села Болховское, что на другом берегу Дона.

При гробе отца Нифонта в автобусе сидела Людмила («Чайка»). Она вспомнила, как батюшка при первой встрече сказал ей: «Через семь лет мы поедем с тобой вместе кататься на машине. Будет очень хорошая весна, и мы этой весной вместе должны радоваться».

«Вот тебе и семь лет прошло, вот тебе и весна пришла, –

думала она, – и мы с батюшкой вместе катаемся. Прекрасная погода, вокруг бушует зелень и цветёт сирень, пионы, светит яркое солнце, открываются неоглядные дали. На сердце особой печали, особого горя нет – батюшка для меня уходил как-то празднично».

Отпевание иеросхимонаха Нифонта в храме Параскевы Пятницы с. Болховское возглавляет Владыка Никон, митрополит Липецкий и Задонский

Отпевание по Пасхальному чину возглавил епископ Липецкий и Елецкий Никон (ныне митрополит Липецкий и Задонский) в сослужении двенадцати священников. Несмотря на печаль расставания с любимым батюшкой, у всех на сердце была радость. Пасхальное убранство храма, священники в красных праздничных облачениях. Гроб с почившим занесли в алтарь и обнесли вокруг престола.

Затем – путь в Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, где на кладбище была готова могила. Крест заказали по просьбе и на средства архимандрита Амвросия, духовного сына почившего иеросхимонаха Нифонта (ныне схиигумен Амвросий, г. Рига).

Перед погребением Владыка Никон, митрополит Липецкий и Задонский, давний друг батюшки, произнес проникновенные слова: «Ко Господу отошёл великий подвижник, страдалец за Христа. Девственной чистоты человек. Когда приходилось отца Нифонта исповедовать, я трепетал перед его чистотою, высокой

духовностью. Он исповедовался даже в нечаянном прикосновении к церковной служащей. Он любил Бога и красоту его творения. Где бы он ни служил, везде благоукрашал храмы. Сразу же Дом Божий обретал обилие икон – он сам их писал, привлекал хороших иконописцев. Настоящее чудо им сотворено в селе Хорошилово Белгородской области. Равного по красоте внутреннего убранства этому храму нет. Отец Нифонт любил живопись, в Воронеже в его доме все стены от пола до потолка в картинах на библейские сюжеты». На сороковой день после кончины батюшки в его домике собрались духовные чада. Мария Тимофеевна Дьячкова из Тишанки Таловского района Воронежской области сказала: «Вот, многие горюют, что не стало с нами батюшки Нифонта. Конечно, осиротели, скорбим, но не надо унывать – он всё равно рядом. Нас соединяет молитва. И не надо отчаиваться: мол, последние старцы уходят. Да, их будет среди нас всё меньше и меньше. Но всегда помню, сказанное матушкой Митрофанией, с которой встречалась в Ячейке. Я ей как-то высказала: «Матушка, а вас не посещает страх от того, что в скорости останемся одни – без старцев?» Она так ответила: «Господь не допустит, чтобы на Земле не осталось тех, через которых он передает свою волю, в которых хранится истинная вера. Господь Россию без своих светильников не оставит. Ты же, Мария, около леса живёшь». Откуда она это знала? Никогда с ней не разговаривала о том, где живу. «Так вот, пойдешь по грибы – сначала их много, потом они сходят на нет. Пройдёт дождичек – опять появляются. Духовное поле – та же природа, где своё время созревания, ухода и нарождения нового. Старцы будут до скончания века».

Задонский. Рождество. Богородицкий мужской монастырь. У могилки иеросхимонаха Нифонта (Санталова)

Митрополит Воронежский и Лискинский Сергий в предисловии к книге Эдуарда Ефремова о иеросхимонахе Нифонте «Ходим по дорогам святых» сказал: «Общение со старцами, старицами, монахами даёт представление о святой Руси XX века, которая была потаённой, но всегда была и остаётся рядом с нами. Эта Русь открывалась верующим и шедшим по заповедям Христа после Великой Отечественной Войны, в период бескровного мученичества и исповедничества церкви до 90-х годов ушедшего столетия. Около восьми лет схииеромонах Нифонт был парализован, но именно в эти годы домик близ Акатова монастыря в Воронеже становится тем духовным

центром, где сотни страждущих, ищущих евангельской истины, получают поддержку и укрепление в вере. Перед престолом Всевышнего молится ныне за нас, грешных, один из тех праведников, на которых держалась и держится Россия Православная. Батюшка Нифонт был рядом с нами и остаётся. В воспоминаниях о нём, в его проповедях, стихах, строках писем, в их простоте открыто величие Истины.

Нам остаётся только следовать путём, проложенным такими людьми благочестия, умного труда, молитвы и послушания Воле Божией, каким был схииеромонах Нифонт. Вечная ему память!»

У могилки иеросхимонаха Нифонта всегда теплится лампада, горят свечи. Всегда подходят люди, паломники из разных мест. Он всех слушал при жизни, слушает всех и сейчас, молится о нас, о России.

Россия выжила и жить будет – за неё молятся и здесь, и там.

Заключение

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их».

Евр. 13:7

В тяжёлые времена преследований и жесточайших гонений, войны и духовного опустошения застойных лет Господь повёл русский народ путём огненного испытания за многие его согрешения, крестным исповедническим путем. Время своих страданий за веру новомученики и исповедники, подвижники благочестия считали лучшим временем для свидетельства Истины, по словам священномученика архиепископа Тверского Фаддея (Успенского) – «настоящим христианским временем». Подобно «золоту, огнем очищаемому от примесей в духовном горниле испытаний» явилась красота добродетелей новомучеников, исповедников и подвижников Православия. Все их имена мы не узнаем, но отец Нифонт (Санталов) говорил: «Где бы мы ни жили в России, всюду ходим по дорогам святых. Святые были в каждом селении – надо просто знать историю, хранить предание о былой российской святости». В самом начале XXI столетия к лику святых было причислено 1866 подвижников благочестия, в том числе 1776 новомучеников и исповедников Российских. Целое тысячелетие после крещения Руси Православная Церковь воспитывала в русском народе христианские качества: любовь, верность Богу и людям, послушание, почитание родителей, жертвенность, верность, смирение, кротость, терпение. Эти добродетели позволили нашему народу в XX веке выстоять в страшных испытаниях и сохранить истинную веру. Драгоценный опыт жизни по Евангельским заповедям предстоит усвоить и нам для нашего спасения. Жизненный пример иеросхимонаха Нифонта и его семьи позволяет нам убедиться, что в трудных обстоятельствах, гонениях и лишениях, болезнях и скорбях Господь ведет человека непостижимыми путями и хранит его, если он имеет решимость следовать воле Божией.

Иеросхимонах Нифонт (Санталов), 2005 год, незадолго до кончины

В благодатном доме батюшки Нифонта. 2014 год

Библиографический список

1. Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк. Мы духовные чада новомученников // Покров. 2013 № 1 (№ 505) С. 4

2. Архимандрит Георгий (Шестун). Подвиг покаяния, отречения и наследования //Покров. 2013. № 9 (№ 513) С. 10–13

3. Архимандрит Георгий (Шестун). Прославить жизнью // Покров. 2013 № 8 (№ 512) С. 7–9

4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельным переводом. М.: Российское Библейское общество. 1997 г. – 1658 с.

5. Богданович Н., Отец Павел из Хорошилово // Путь Октября 1991 20 июля. № 87. С. 3–4

6. Василий Великий. Слово о подвижничестве. Ч. 5, С. 38–40

7. Добрый строитель благодати Божией. Записано Т. А. Пегарьковой / Православный иллюстрированный альманах «Духовный собеседник». 2007 г., № 3 (51). С. 86–122.

8. Ефремов Э. П. Ходим по дорогам святых. Воронеж.: ГУП ВО Воронежская областная типография – издательство Е. А. Болховитинова. 2009. – 278 с.

9. Игумен Киприан (Ященко). Дорогие наши читатели! // Покров. 2013 № 1 (№ 505) Колонка редактора.

10. Иеромонах Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной

Церкви XX столетия. Жизнеописание и материалы к ним. Книга 2 Тверь.: Издательство «Булат» 1996 г. – 527 с.

11. Иеромонах Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописание и материалы к ним. Книга 3 Тверь.: Издательство «Булат» 1999 г. – 623 с.

12. Иеросхимонах Валентин (Гуревич). Русской Пасхи осуществление. Новомученники и мы // 2015. № 4 (№ 532) С. 5–7

13. Иоанн Златоустый. Книга о девстве. Глава 7

14. Лествица. Слово первое. Параграф 5, изд. 1, М.: 1862 г. – С. 5

15. Митрополит Калужский и Боровский Климент. Слава Божия // Покров. 2013 № 1 (№ 505) С. 3

16. Митрополит Месогейский и Лавреотикийский Николай. Последный ужерживающий // Покров. 2013 № 1 (№ 505) С. 6

17. Митрополит Морфский Неофит. Свет современных мучеников // Покров. 2013 № 1 (№ 505) С. 7

18. Монахиня Ефросинья (Тищенко) Эту боль я тебе доверила.

Духовная поэзия. Задонск.: Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь. 2009. – 48 с.

19. Окунева А. В. Весна моего монашества. Жизнеописание и духовное наследие архимандрита Исаакия (Виноградова), 1895–1981. М.: Паломник. 2011 г. – 512 с.

20. Протодиакон Александр Киреев. Иеросхимонах Нифонт (Санталов) // Журнал Московской Патриархии. 2005, № 9. С. 53–55.

21. Псалтирь в святоотеческом изъяснении. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2011 г. – 634 с.

22. Русская Пасха. Беседа с протиореем Олегом Стеняевым / Беседовала Ольга Орлова // Покров. 2013. № 4 (№ 508) С. 8–11

23. С крестом и Евангелием. Книга об одном удивительном монастыре и его старцах. / Под общ. ред. Задонск.: Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, 2009. – 462 с.

24. Святое Евангелие и книги Нового Завета. – Репринтное издание с 1862 года. М.: Международный издательский центр православной литературы. 1995–1059 с.

25. Старец Паисий Святогорец. Творения. Салоники. Суроти. Монастырь Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова.: Святая Гора. 2013. М.: – 335 с.

26. Таких рождает наша вера. Избранные жития новых мучеников и исповедников Российских. М.: Никея 2013, – 317 с.

27. Хорошо там, где любят свой храм и своего батюшку // Православное Осколье 2002. 7 ноября. № 44 (141) С. 1, 4–5.